

Юрий Риц

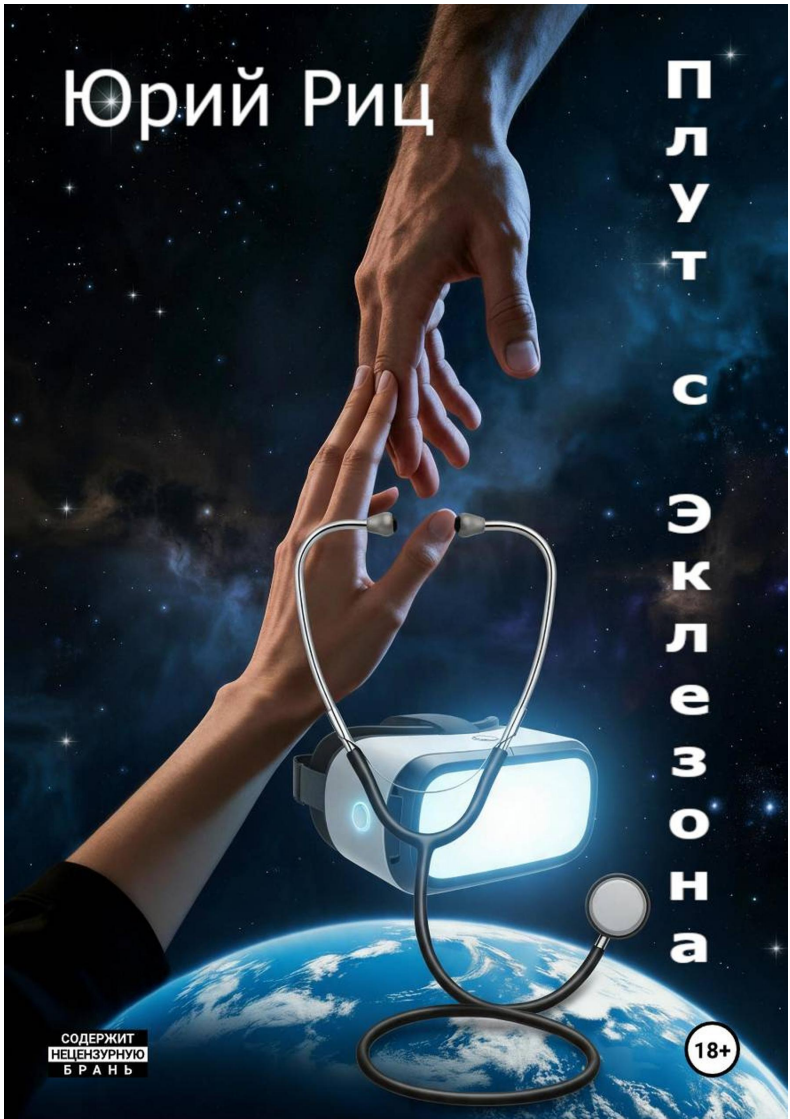
П
л
у
т

с

Э
к
к
л
е
з
о
н
а

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Риц

Плут с Эклезона

<https://litres.ru/74622254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир медицины и киберпреступлений. Хирург Ник Читерев, обладая запрещенными нейроимплантами, переселяется на планету Эклезон, где находит друзей, признание и любовь. Новая жизнь не проста — религиозные фанатики считают кибербиотехнологии богохульством. Но истинная угроза таится в разуме: «габы» — мистические сбои сознания, где Ник сливается с движением объектов. Прошлое героя, пропитанное тенями далёких от медицины дел, вот-вот вырвется наружу, грозя разоблачением на «особенной планете».

Содержание

Глава	4
Часть 1. Доктор. Глава 1	6
Часть 1. Доктор. Глава 2	31
Часть 1. Доктор. Глава 3	45
Часть 1. Доктор. Глава 4	80
Часть 1. Доктор. Глава 5	92
Часть 1. Доктор. Глава 6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Плут с Эклезна

Глава

Часть 1. Доктор. Глава 1

Часть 1. Доктор. Глава 2

Часть 1. Доктор. Глава 3

Часть 1. Доктор. Глава 4

Часть 1. Доктор. Глава 5

Часть 1. Доктор. Глава 6

Часть 1. Доктор. Глава 7

Часть 1. Доктор. Глава 8

Часть 1. Доктор. Глава 9

Часть 1. Доктор. Глава 10

Часть 1. Доктор. Глава 11

Часть 1. Доктор. Глава 12

Часть 1. Доктор. Глава 13

Часть 1. Доктор. Глава 14

Часть 2. Плут. Глава 1

Часть 2. Плут. Глава 2

Часть 2. Плут. Глава 3

Часть 2. Плут. Глава 4

Часть 2. Плут. Глава 5

Часть 2. Плут. Глава 6

Часть 2. Плут. Глава 7

Часть 2. Плут. Глава 8

Часть 2. Плут. Глава 9

Часть 2 Плут. Глава 10

Часть 3. Игрок. Глава 1

Часть 3. Игрок. Глава 2

Эпилог 1

Эпилог 2

Эпилог 3

Часть 1. Доктор. Глава 1

Звезды катились по небосклону, будто серебряные монетки, рассыпанные рукой великана.

Терминал прибытия поражал объёмом огромного, непривычного пространства. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу в сладкой усталости человека, который наконец-то достиг твердой земли. Долгий путь подходил к концу. Оставалось добраться из космопорта до столицы, где я уже был сердцем. Где осяду и скажу себе: «Всё, нахрен. Никуда больше. Ни ногой». Прибытие в чужую гавань неважно в морскую или планетарную всегда одинаково. Облегчение для вестибулярного аппарата, надежда на что-то лучшее и тревожная щекотка перед неизвестностью. Я поймал себя на этой банальности, оглядывая толпу: кто-то привычно ломился домой, кто-то, прибыв впервые, возможно чувствовал то же самое.

Звёзды действительно катились по небосклону. Купол терминала представлял собой прозрачную полусферу, покрытую фиксирующим свет материалом, и к утру поверхность оказалась расписана дугами движения ночных светил, словно гигантский художник оставил снаружи тончайшие следы кисти. Под куполом посреди терминала висело здоровенное табло, а на нём каллиграфическим почерком красовалось: «Эклезон». В воздухе плыл запах цветов, а с фудкорта неподалёку тянуло вкусовыми соблазнами. Ногами я

ощущал контраст с «металлической» коробкой корабля: пол был вымощен натуральным камнем, а не покрыт привычным анти-шок материалом.

Наступил рассвет. Вдали в светлеющем небе стали различимы вытянутые корпуса орбитальных челноков. Под одним из них зажглась ослепительная звезда. Медленно поднимаясь, челнок оставлял за собой яркий растворяющийся след.

Непривычная гравитация вынудила пристроить пятую точку за столиком фуд-корта — она явно подыгрывала местным рестораторам, чтобы клиент заземлился в меню.

За соседним столиком расположились женщина средних лет и мальчик лет пяти-шести — судя по всему, мать и сын. Перед ними стояли две тарелки лапши, от которых поднимался лёгкий пар. Мальчик ковырялся в еде, пытаясь справиться с палочками, но терпел фиаско: лапша то и дело выскальзывала и падала в тарелку. Наконец он поджал губы, вытер оброненную лапшу со штанов и той же салфеткой размазал её по столу.

— Ма, я не буду есть палочками, — он бросил на мать вызывающий взгляд. — Глупые палки!

Женщина вздохнула и попросила официанта принести вилку.

— Вот, ешь, пожалуйста, ей. Не мучай себя.

— Дурацкое дело — есть палочками, — продолжал канючить мальчик, проигнорировав столовый прибор. — Зачем их придумали?

Есть он, похоже, и не собирался.

— У твоей сестры это получается, а она на два года младше тебя, — мягко напомнила мать.

Мальчик отодвинул вилку.

— Раз так, я вообще не буду есть ничем! — скривился он.

— Пока ты не признаешься, что палочки дурацкие.

Мама молчала, подыскивая аргументы. Пауза затянулась. Засранец уже мнил себя победителем и, устремив полный торжества взгляд, тыкал палочкой в стол.

Я подошёл к их столику:

— Извините, я слышал ваш разговор. Кажется я могу вам помочь. Разрешите?

Женщина кивнула, слегка удивившись, а малец насупил брови, явно недовольный таким оборотом. Я сел рядом с ним.

— Если я докажу тебе, что палочки гораздо круче вилки, ты будешь есть?

Пацан немного смутился и, не найдя что возразить, кивнул.

— Хорошо! Тогда смотри. — Я положил перед собой бумажную салфетку, вынул из упаковки палочки и взял в каждую руку по паре. — Палочками можно взять за углы. И ещё... Раз, два, три... — Я стал сгибать и переворачивать салфетку, прихватывая углы бумаги палочками, как пинцетами.

Хозяева столика молчали, следя за мельканием палочек.

Через несколько секунд на столе перед ними появился аккуратный бумажный журавлик.

— Как думаешь, можно такое сделать вилками?

— Нет! — сдался мальчик. Надувшись, он придвинул тарелку к себе и подхватил вилкой лапшу.

Предстояло скоротать час до получения багажа, и я направился к стойке бара. Взгляд побежал по карте виски.

— Уж больно шустро вы это сделали, — бармен смерил меня оценивающим взглядом с головы до ног. Можно сказать, просканировал. Похоже, он видел всю сцену с журавликом.

Серьёзность ситуации я осознал не сразу.

— Один JW Star Label... — я осёкся, заметив значок на галстук.

Активист единой веры? О нет...

Бармен передал мне виски и задержал взгляд на руках — слишком внимательно. Ну конечно. Как же иначе.

Вот блин, некстати.

Внутри ёкнуло. Что у него в голове крутится? Та-а-ак, значит, пожаловал на Эклезон ловкач с девайсом в пальцах? Ну, сейчас разберёмся — не первый ты такой, что к нам в лапы лезет!

«Нет, приятель, не обломится», — буркнул я про себя, чувствуя прохладный бокал в пальцах. Улыбка скользнула по лицу, но в груди нарастало напряжение. Если по прибы-

тии я вызвал подозрение, что ждёт дальше? Следует ли раскрыть бармену свой фокус с салфетками? Или рвать когти поскорее? Нет, так будет хуже.

Я — хирург, вернее, машина-ург[1], как выразились бы древние греки, если бы знали будущее. Одна часть моей работы — врачебная практика, другая — управление хирургическими роботами. Обычно РАС проводит операции самостоятельно: я лишь контролирую процесс, обучаю систему и вмешиваюсь, когда возникают ошибки. В таких случаях я беру управление манипуляторами робота на себя. С годами, проведенными за консолью, пальцы обрели стремительную скорость.

Потягивая виски, я объяснял бармену, что быстрота и виртуозность владения палочками — необходимое в работе качество — результат многолетних тренировок. Подозрения бармена были очевидны: несмотря на запрет, биотехнологические усовершенствования ещё встречались.

Бум улучшения человеческой руки грянул полвека назад — киберспортсмены не желали физиологических ограничений скорости. Игровая индустрия не скупилась на рекламу: «Бог создал людей быстрыми и медленными, а нейроинтерфейс всех уравнил». Наука, следуя запросам рынка, разрабатывала разнообразные нейроинтерфейсы[2]. Клиники по всей системе предлагали услуги по установке суперпротезов. Профессиональные лиги киберспорта выступали против замены пальцев на непредсказуемые в турнирах кибердакты.

Однако спрос продолжал расти: новые устройства оказались востребованными не только в среде геймеров, но и среди представителей рабочих профессий.

Единая вера возникла в начале экономического кризиса и за десятилетие распространилась по большинству планет. Эта религия запрещала объединять человека и машину. Любое биотехническое улучшение человеческой природы возводилось в ранг богохульства над созданием Божьим. Конечно, бионическое протезирование осталось, но с идеей делать протезы ощутимо хуже естественных конечностей. Остались также импланты для глухих и слабовидящих. Я знал, что полиция веры отслеживает обладателей нейроимплантов, специальная комиссия проверяет наличие медицинских показаний, и, при их отсутствии, принудительно удаляет импланты. А в некоторых случаях после суда отправляет на каторгу.

Наиболее активные приверженцы религии регулярно посещают богослужения, собрания верующих и могут проповедовать в общественных местах. Эти люди разного возраста и пола обычно сотрудничают с полицией веры. Чтобы выделяться в обществе, активисты носят специальные значки — именно такой значок был у моего приятеля-бармена.

В моих пальцах тоже работали технологии, усиливающие плоды долгих тренировок. С такими способностями стоило оставаться осторожным перед незнакомцами. Я понял, что расслабился до беспечности. Впрочем, сегодня устроюсь в

клинику, а там врачей особо не проверяют. Руки-то у меня настоящие. Потягивая виски, я рассказывал бармену, как провёл в операционных десять лет своей жизни. И не просто в обычных операционных, а на межпланетарных станциях, висящих в звездной пустоте. Такие станции с медицинскими центрами находились на пересечении оживлённых космических маршрутов или возле планет, колонии которых ещё не могли позволить себе развитую медицину.

За эти годы я сменил три крупные станции, каждая из которых представляла собой огромный город с уникальным обликом. Но тщетно: рутинная работа, отдых после неё, встречи с друзьями, ночи с подругами — однотипный ритм жизни неизбежно превращался в бесконечный «день сурка», практически неотличимый от одного места к другому. Повсюду карусель. Я начал рассылать резюме в госпитали ближайших планет и заручился рекомендациями от директоров станций. Вскоре мне поступило подходящее предложение.

Планета Эклезон, колонизированная столетие назад, по размерам и годовому циклу напоминала Землю. Основу экономики составляли аграрные технологии, добыча редких металлов и уникального инертного газа. Несколько небольших местных колоний меня не привлекали — они манили переселенцев, мечтающих возделывать землю. Зато главная колония, некогда управляемая планетой Тизфор, пять десятков лет назад провозгласила независимость. С тех пор она демонстрировала стремительный экономический подъём, ак-

тивно развивая собственные технологии и достигнув достойного уровня медицины. В столице действовали несколько клиник. Мне предложили должность старшего хирурга РАС (робот-ассистированных систем).

Мой краткий рассказ бармену закончился вместе с виски.

— Вы сможете найти меня в «Ростке жизни», — назвал я ведущую клинику столицы. — Если возникнет необходимость, обращайтесь.

Бармен улыбнулся и налил вторую порцию за счёт заведения.

Получив багаж, я направился к выходу в город. Впереди по движущейся дорожке, шла девушка, рядом с ней беззвучно скользила тележка, на котором лежал внушительных размеров чемодан. Грузовой дрон синхронизировал скорость перемещения с темпом хозяина багажа. Хотя планетарная G не утяжелила мою сумку настолько, чтобы я не справился сам, я все же кинул ее на свободный дрон.

Девушку я заметил ещё в зале прибытия. Ей было около двадцати лет, изысканный наряд и походка говорили о вкусе и принадлежности к высшему обществу. Рассеяннo-мечтательное выражение лица дополнялось лёгким румянцем и милыми веснушками. На шее красовалось дорогое жемчужное кольцо, которое — я готов поспорить — было натуральным. Она блуждала по залу несколько минут, высматривая встречающих, затем отправила сообщение и двинула в город одна.

Мы шли по указателям к выходу. На одном из перекрёстков сотрудник в униформе остановил бегущую дорожку и подошел к нам. — Прошу прощения, центральный выход временно закрыт. Пожалуйста, воспользуйтесь выходом справа. — Он указал рукой в сторону узкого коридора, который уходил от купола вглубь станции. Я кивнул, слегка удивившись. Закрытие центрального выхода без предупреждения? Может, объявление всё же прозвучало, а я не заметил? Странно! Пару секунд мы с попутчицей смотрели на предлагаемый путь. Блестящий гладкий пол не был автоматизирован и явно не предусматривал передвижение с тяжелым багажом. — Прекрасно, — взмахнула руками девушка и указала на чемодан. — А куда мне деть это?! Сотрудник развел руками. — На сколько закрыли центральный выход? — Не могу знать, но думаю, что не менее чем на час. Вы можете подождать здесь. В следующем холле уже собралась толпа. — Нет, я не могу подождать, — решительно ответила девушка. — Вы знаете, кто я? Она высветила перед лицом служащего какой-то документ. — Одну минуту, — служащий принялся торопливо согласовывать логистику по браслету. — Сейчас прибудет носильщик. — Простите, а можно и нам носильщика? — спросил сзади кто-то из подошедших пассажиров и получил вежливый отказ. Робот-портер выглядел как массивный цилиндр на гусеничном ходу с четырьмя манипуляторами. Машина забрала чемодан с тележки дрона и последовала следом за слегка раздраженной пассажиркой. Я

поднял на плечо сумку и пошел за ними, надеясь, что путь окажется недолог. Коридор плавно изгибался, местами пересекаясь с боковыми проходами. Те редкие пассажиры, которым тоже «повезло свернуть», отстали, пыхтя с багажом, и теперь мы с девушкой шли одни. Она ускорила шаг, спеша закончить незнакомый путь.

Мы миновали плохо освещённый узкий холл и подошли к перекрёстку с боковым коридором. Опыт жизни на станциях научил меня остерегаться таких мест, особенно в позднее время: за ними часто тянулись криминальные истории. Я заметил отсутствие камер — ни одной «шляпки» с красным диодом, твори что хочешь, да и хрен с ним.

«Молодцы! Ещё бы они через техзону отправили!» — я ускорил шаг и почти нагнал попутчицу, когда мужчина в комбинезоне грузчика возник словно ниоткуда. Он подскочил к девушке, сорвал кольцо и резко толкнул её в стену. Несчастная даже не успела вскрикнуть — я услышал глухой звук удара. Спина робота частично скрывала напавшего от меня, но я успел заметить, как он разворачивается, собираясь наутёк. Бросив багаж, я приготовился рвануть вперёд, но успел сообразить: пока оббегу робота, грабитель успеет оторваться. Чисто автоматически я шлепнул ладонью по корпусу робота — рука сработала раньше, чем мозг успел что-то понять.

Пальцы попали по еле заметной площадке для ключа. Невероятно, но сработало!

Робот поднял все четыре манипулятора вверх и уронил чемодан прямо на грабителя. Мужчина рухнул на пол, сбитый увесистым грузом. Эти секунды дали мне возможность добежать, и, поймав момент, когда он, пытаясь подняться, вытянул руку, я резко скрутил её за спину. Налётчик застонал от боли, но я не отпускал. Упирая колено в спину, я придавил его к полу, а бедра продолжал прижимать чемодан. Он один? Я бегло окинул взглядом окружение — к счастью, соучастников нападения не наблюдалось.

— Вы в порядке? — спросил я, глядя на девушку, сидящую у стены. Её прерывистое дыхание было слышно издаля.

— Я... в по... рядке, — ответила она, запинаясь. — Кажется, ничего не сломано, только локоть болит.

Я кивнул, продолжая удерживать лежащего мужчину. Он подёргался, пытаясь освободиться, но быстро понял, что это бесполезно, и затих. Его лицо побагровело от злости и бессилия. Крепкое, жилистое тело, приспособленное к местной гравитации, говорило о том, что без удачного стечения обстоятельств мне бы пришлось несладко.

Тем временем девушка нашла силы подняться. Поправив помятую блузку, она достала коммуникатор и вызвала экстренную службу.

Её голос дрожал, но она старалась говорить чётко.

— Спасибо, — сказала она, объяснив ситуацию, и повернулась ко мне. — И вам спасибо! Если бы не вы...

Она всхлипнула.

— Да ладно! Главное, что вы в порядке. Помощь идёт?

— Ага!

Через несколько минут на место прибыли кары космопорта. Грабителю надели наручники и погрузили в транспорт. Медики осмотрели девушку. Она отказалась от помощи, уверяя, что чувствует себя неплохо. Робота оставили для диагностики; рассказывая о случившемся, я предположил, что преступник отключил машину, намереваясь взломать багаж.

— Какой болван! Отключил самым неудачным для себя образом, — отреагировал техник, осматривая портера. — Хотел бы я это увидеть!

Моя попутчица промолчала, бросив на меня быстрый взгляд.

— Позвольте сопровождать вас? — предложил я. — Вы не против?

Пусть у неё будут вопросы, только позже, не здесь.

Напряжение постепенно спадало, но адреналин ещё давал о себе знать — сердце не спешило успокаиваться, хотя дыхание становилось ровнее. Восстановление шло медленнее — на процессе сказывалась непривычная гравитация. Приняв предложение, девушка улыбнулась, и мы направились к выходу. Следом два работника повезли на маленьком грузовом каре наш багаж.

— Анна! — протянула руку моя спутница.

— Ник, — её ладонь была мягкой, но рукопожатие уверенным. Рука уже не дрожала.

— Я очень благодарна вам. Как вы это сделали? Никогда не видела, чтобы роботы так быстро реагировали, — её голос звучал с нотками удивления и восхищения. Она смотрела на меня с любопытством, словно пытаюсь разгадать секрет.

Я усмехнулся, пожимая плечами.

— Это был скорее инстинкт, чем расчёт. Я и сам не знал, сработает ли... Ввёл код команды «немедленно остановить все инструменты». Это гарантия безопасности в управлении медицинскими роботами. Я даю такую команду, когда нужно продолжить операцию самому. Если робот путается и может навредить. Повезло, что код команды подошёл к программе портеров.

Анна покачала головой, кажется, не до конца веря.

— Невероятно. Я дочь губернатора, — призналась она. — В нашем доме иногда гостит начальник грузового отдела порта. Помню, он как-то рассказывал о своих роботах-носильщиках. Ругал их за нерасторопность, ведь программа исключает резкие движения.

Я пожал плечами.

— Как вы это сделали? — продолжала восхищаться она. — Вы же просто коснулись, а робот послушался, как собачка... У вас был электронный ключ? Повезло, что под рукой!

Я кивнул, не желая объяснять подробности ввода команды. Код передали пальцы, к которым не стоило лишнего раз

привлекать внимание. Хорошо, что новая знакомая уже перестала вдаваться в детали.

— Значит, вы хирург! Моя сестра Сэл увлекается хирургией. Она хороший доктор. Рассказывает, что даже профессор доверяет ей своих пациентов.

— Вашей сестре повезло. Ныне считается, что хирургия — не женское дело.

— Наша мама тоже считает так, а отец, наоборот, одобряет и поддерживает. А я далека от медицины, работаю в благотворительном фонде.

Мы вышли наружу. Я прищурился — яркий свет неожиданно ударил в глаза. От вида бескрайнего голубого неба захватило дух. Без облаков, оно было таким глубоким и насыщенным, что казалось воплощением бесконечности. Я замер, впечатлённый такой простой и давно забытой красотой. Никакие голограммы на станциях не шли в сравнение. Сейчас я не просто видел пространство — я его ощущал!

— С какой вы планеты? — Анна с интересом наблюдала за моей реакцией.

— Со станции, — ответил я, всё ещё разглядывая небо. — Двадцать микропарсеков отсюда, орбита Ченуры. Но родился и провёл детство на Ганешмеде.

С названием планеты в сердце проснулась лёгкая ностальгия. Мы продолжили путь, и я заметил, что моя спутница уже никуда не спешит.

— Когда стал хирургом, началась жизнь на станциях. В

итоге отвык от природы.

Анна улыбнулась, словно понимая мои чувства.

— Уверена, у нас вам понравится, — сказала она с теплотой в голосе. — Я мало где была, но Эклезон многие хвалят. Основные поселения построены в очень комфортной зоне!

— Прошу прощения, мисс, — прервал нас водитель кара. — Куда доставить ваш багаж?

— Сектор парковки «С», номер 001 GI, — ответила де-вушка. В ответ служащие замерли в уважительном поклоне.

— А ваш? — спросили они затем меня.

— Пока не знаю, не представляю, как будет удобнее, — я пожал плечами.

— Хорошо, тогда мы подождём на площади, — электрокар умчался вперёд.

Анна продолжила рассказ:

— С тех пор, как мы вошли в экономическое сообщество с планетами Эвиантрией и Тизфором, колония стала быстро развиваться. К нам начинают летать на разные фестивали, показы моды, научные конференции.

Она говорила с гордостью, рассказывая в деталях, и я понял, что о своей родине Анна способна говорить бесконечно. Эклезон, судя по её словам, был не просто колонией, а местом, где культура и технологии переплетались, создавая что-то уникальное.

— В столице проходит ежегодный фестиваль «Сияние Эклезона». Это грандиозное событие, когда над океаном рас-

пыляют специальный экопорошок, он потом светится из-за радиации. Так создают картины в небе.

— Э-э-м, радиации?

— Ну да, у нас полно солнечной радиации, но над городами её нет, там безопасно. Картины создают над океаном. Просто невероятно! Люди со всей системы приезжают, чтобы увидеть это.

Звучит впечатляюще, — заметил я, пытаюсь представить шоу. — И когда будет следующий?

— Через сезон... А ещё у нас есть модные показы. Дизайнеры с трёх планет привозят свои коллекции, вдохновлённые природой Эклезона. У нас уникальные материалы — например, ткань, которая меняет цвет в зависимости от настроения. Биотехнологии берут за основу морских жителей.

Мы подошли к площади перед центральным выходом.

— Подскажите, как лучше добраться до центра? — ещё в челноке я решил не откладывать визит в клинику.

— Быстрее будет на электролте.

— На чём? — не понял я.

— Электролте. Так мы называем электролёты. Такси-электролёт. Эолт.

— Не могу вызвать, смартбит не работает, — развёл руками я. — Вы можете помочь?

— О, с этим просто, надо ввести код планеты в настройках. Позволите? — она протянула руку.

Я отдал Анне прозрачную и гибкую пластину коммутато-

ра.

— Так, — спросила спутница. — Настройки в левом нижнем углу?

Я кивнул.

Зайдя в настройки, она ввела необходимый код и вернула обратно:

— Теперь всё получится. Опцию выбора планеты ввели пять лет назад. Понятно, почему вы ею не пользовались.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Вы мне очень помогли, не знаю, сколько я потерял бы времени.

Анна улыбнулась. — Не за что! Удачи вам на Эклезоне! Это особая планета. Желаю вам обрести здесь дом.

Мы обменялись короткими прощаниями, и девушка направилась в свою сторону.

— Папа иногда приглашает на приём ведущих специалистов! — она обернулась на пути к ожидавшему её электролёту. — Надеюсь, вы быстро станете ведущим специалистом!

Я улыбнулся и помахал в ответ. Шансы выделиться среди коллег у меня были.

Город располагался в широтах, соответствующих тропикам Ганешмеда. Я решил прогуляться и высадился рядом с центром, отправив багаж по адресу. Помню, как шёл по широкому тротуару, пьяный от льющегося из глубины света, от обилия зелени, от возможности смотреть вдаль, где среди деревьев вздымались небоскрёбы, а чёрные точки лётучих ма-

шин внезапно вырастали и проносились мимо. Тёплый ветерок доносил слабый запах озона — двигатели слегка ионизировали воздух. Улицы были согреты лучами местной звезды, которую повсеместно именовали Солнцем.

Столица, несмотря на громкое название Гранд-Эклезон, вовсе не была мегаполисом. Справка указывала население менее одного миллиона. За более чем столетнее существование количество переселенцев и естественный прирост оказались умеренными. Клиника находилась рядом с набережной на полуострове, путь к которому лежал через главную площадь. Невысокие белые дома вокруг подчёркивали колониальный стиль, ранее родившийся на планете Земля и по какой-то причине преобладающий в старом городе.

На парящем баннере в строгом оформлении улыбался седой мужчина с адмиральским взглядом и окладистой испанской бородкой. Я подумал, что лицо идеально подходит облику столицы. Изображение было объёмным: картинка поворачивалась, провожая каждого прохожего взглядом. Ниже виднелась надпись: «Антонио де Лар. 20 лет процветания колонии! Поддержим нашего губернатора!»

Я пересёк площадь, глаза по сторонам. Встречающиеся по пути баннеры были обычной рекламой, среди которой я увидел: «Человеку — дух, машине — программа. Плоть сотворена отдельно от устройств». Вверху, над лозунгами, парил символ единой веры: чёрный равносторонний крест и под ним чёрный полумесяц. Я знал, что раньше это была эм-

блема международного медицинского движения, а цвет был красный. Просто удивительно, как за один век символ гуманизма изменил смысл и превратился в символ догмы и ограничений.

Надеюсь, что здесь нестрого. Хотя ранее меня насторожил значок на галстукe бармена, сейчас я не заметил на местных жителях никаких признаков религиозного дресс-кода или атрибутики.

До клиники оставалось ещё около получаса ходьбы, когда я почувствовал усталость — мышцы непривычно отяжелели, слегка кружилась голова. На станции гравитация была на одну десятую меньше, чем на Эклеzone, но во время двухнедельного перелёта составляла всего половину от той, что плющила меня сейчас. Я позволил себе передышку и опустился на скамью под деревом. От переизбытка впечатлений веки мгновенно отяжелели, и потянуло в сон. Скомандовав смартбиту разбудить через полчаса, я отключился почти мгновенно. Мне снилось, что я стал мыльным пузырем, несомым ветром над городскими улицами. Куда-то вдаль без тревог и забот.

Через час путь окончился у невысокого здания из белого камня, украшенного вывеской «Росток жизни — консультативный центр и клиника».

— Добрый день. Подскажите, пожалуйста, как мне попасть к профессору Добровееву? — обратился я к девуш-

ке-администратору за стойкой. — Где можно его найти?

Администратор закрыла журнал «Единая вера», который читала, и сдвинула брови.

— Так, — сказала она недовольным голосом. — Каждый день приходит кто-то забывчивый о предварительной записи. Кто вы? Приезжий?

— Читерев. Ник Читерев. Я ваш новый врач.

— Никогда о вас не слышала, — тон голоса смягчился, когда я показал приглашение на работу. — Подождите, сейчас с ним свяжусь. Присядьте, отдохните пока.

В ожидании ответа я сделал несколько шагов по холлу, присматриваясь к удобным креслам.

— Хелен, я уезжаю. Пожалуйста, не записывайте никого ко мне сегодня, — прозвучал бархатистый баритон за спиной.

Обернувшись, я увидел перед администратором смуглого мужчину средних лет.

— Хорошо, доктор Грегсен, я поняла, — кивнула девушка и обратилась ко мне. — Франц Иосифович вам ответит через пару минут.

Тот, кого назвали доктором Грегсеном, бросил на меня оценивающий взгляд.

— Добрый день. Вы сегодня прилетели?

— Добрый день. Да, утром.

— У вас бледное лицо, вам следовало бы отдохнуть. Усталый, с дороги, и на консультацию — это не дело, — он по-

дошёл ближе. — Настолько срочный случай?

— Нет, я приглашён на работу.

— О, как! Коллега! Это уже интереснее, — он протянул мне руку. — Алекс!

— Ник!

— Вы хирург? — спросил Алекс. Его добродушная улыбка отражалась в карих глазах.

— Да! Оператор РАС.

— Прекрасно! Значит, вы тот самый дух, что властвует над бездушным ИИ, — Грегсен подмигнул администратору, и та заговорщически улыбнулась.

— Э-э-м... Да, наверное, так. — продолжать беседу я не хотел. Если это была ирония, то воспринять её оказалось непросто. Усталость наградила меня паранойей. В голове закрутились мысли: журнал «Единая вера»... человеку — дух, машине — ... и прочая фигня. Я инстинктивно убрал руки за спину и пристальнее всмотрелся в нового знакомого, стараясь обнаружить значок. В этот момент внезапно прозвучала моя фамилия.

— Читерев? Читерев? Это пациент? — я услышал по громкой связи профессора, который, похоже, страдал забывчивостью.

— Нет, — ответил администратор. — Читерев — ваш новый хирург. Он сегодня приехал.

— Читерев... Вот как, оказывается, только прилетел и сразу к нам. К чему эта спешка?!

Я подошёл ближе к микрофону стойки:

— Добрый день, профессор. Знаю, что пришёл без согласования. Вы примете меня?

— По вопросу работы?

— Да.

— Сегодня никаких шансов! Напомните вашу специализацию в РАС... полостная и нейрохирургия, кажется?

Я вкратце напомнил свой профиль, радуясь, что память не полностью покинула профессора.

— Жду вас завтра к полудню. До свидания!

Оглянувшись, я увидел, что доктор Грегсен уже ушёл.

Мой новый дом располагался на тихой зелёной улице в пешей доступности от клиники. Ещё на станции я потратил почти неделю, выбирая приемлемое по условиям и стоимости жильё.

Я обошёл дом и сверил его с виртуальным 3D-туром: спальня, плавно переходящая в кухню-гостиную, уютный кабинет, просторный коридор, превращённый в мини-тренажёрный зал, два санузла. После тесной каюты на станции внутреннее пространство дома казалось невероятно вместительным и свободным.

Как и было оговорено, в доме имелись высокоскоростной спутниковый интернет и интеллектуальная система управления. «Домашка» «Houmine», правда, оказалась несколько устаревшей, и я решил, что позже займусь апгрейдом.

Когда багаж был распакован, а вещи разложены, живот

призывно заурчал, напоминая, что обеденное время давно наступило. Я положил на место последнюю рубашку и отправился на поиски еды.

Примерно через двадцать минут мне удалось найти уютное маленькое кафе. Здесь местные овощи и рыба в тесте стоили сущие гроши, но их вкус был изумителен — совершенно непохожий на станционные блюда из сублимированных продуктов.

Остальную часть дня я провёл дома, наслаждаясь отдыхом. Вечер приближался к концу, но было ещё довольно светло. Я подошёл к окну и опёрся на подоконник.

Закат здесь был особенным: более красным, чем на других планетах, где мне доводилось бывать. Воздух наполнялся тишиной и спокойствием, лишь изредка нарушаемым далёкими голосами прохожих или шумом пролетающего транспорта.

Я стоял там, не думая, кажется, ни о чём, наблюдая, как последние лучи солнца играют на стенах домов. За домом слева находилась детская площадка, а справа открывался вид на улицу, уходящую вдаль к берегу. Улица имела уклон вниз, и её конец был неразличим, зато я видел море и узкую полосу горизонта. Возможно, этот вид станет для меня родным и привычным. Почему бы и нет? Здесь мне по душе.

На детской площадке мальчик и девочка увлечённо перебрасывали друг другу небольшой мяч. Их движения были довольно уверенными для столь малого возраста. Несколь-

ко минут я следил за игрой, за полётом мяча, как вдруг меня накрыло странное ощущение: словно сознание покинуло телесные границы. Я ощущал движение, оставаясь одновременно и летящим мячом, и застывшим у окна человеком. Вернее, даже не ощущал — я был этим движением. В котором остановилось время...

Мысли исчезли из головы, но по прошлому опыту я уже знал, что делать. Помогала любая концентрация: стоило мысленно решить пару простых арифметических примеров, и ум возвращался в нормальное состояние.

Я тряхнул головой, и оцепенение прошло. Мяч и играющие дети остались там, а я был у окна в своём новом доме.

Пятый случай за годы с нейроимплантом, и каждый раз это происходит, когда взгляд цепляется за что-то движущееся. Обычно сбой реальности случался через сутки — двое после перепада гравитации. На Эклезоне же накрыло в первый день.

Что это было?

Какой-то баг в программе мозга — единственное, что приходила в голову. Медицинского объяснения не существовало. Учёный, который усовершенствовал мне пальцы, предположил: баг вызван необычным нейроинтерфейсом. Поэтому я не особенно волновался. У меня даже возникало желание задержаться в таком состоянии подольше, ведь оно одновременно притягивало и пугало своей неизвестностью. Но каждый раз я останавливался, не зная, к чему может приве-

сти продолжение. Кажется, сейчас процесс под контролем, но что будет дальше? Возможно, я съеду с катушек или буду вечно приспособливаться к хромающему восприятию реальности. На тот случай, если мне когда-нибудь придётся сделать медицинское описание этого состояния, я решил придумать ему название. Однако в голову ничего не приходило, кроме как: «габ» — что просто означало «баг» наоборот.

Шквал впечатлений и накопившаяся усталость наконец взяли своё. Не желая ни о чём более думать, я прилёг, закрыл глаза и мгновенно погрузился в тёмную бездну сна.

[1] Хир — рука, Ургия — работа по — гречески. Машина — механическое приспособление по — гречески. РАС — робот-ассистированная система — аппарат для проведения хирургических операций. РАС — робот-ассистированная служба — медицинская служба аппаратной хирургии. Сокращения зависят от контекста сцены.

[2] Нейроинтерфейс — функциональная система, соединяющая организм и механический протез, иногда внешний аппарат. Здесь и далее иногда применяется сокращение — нейроифейс, ней-фейс, означающее разговорный вариант слова.

Часть 1. Доктор. Глава 2

Первый сон на планете оказался беспокойным. Скрипы и шорохи, шум ветра за окном, непривычная тяжесть одеяла — всё это создавало целую гамму новых ощущений, которых не было в каюте на станции.

Утром меня разбудила нейросеть-домашка.
Какого хрена!

Она включила молитву — повезло, что не с самого рассвета. Звук шёл из моего телефона, что было немного странно, ведь обычно сеть запускает музыку через домашнюю аудиосистему. Я приглушил звук и несколько минут валялся, глядя в потолок и с удовольствием осознавая, что проснулся на планете.

Затем я изменил утренний сценарий: выбрал в плейлисте неспешный релакс и краткий обзор новостей. Однако звук упорно продолжал идти через смартбит. Видимо, предыдущий владелец квартиры был скалфонером — обладателем звукового импланта в черепной кости. Импланты-скалфоны не только позволяли наслаждаться музыкой прямо в голове, но и заменяли привычные смартбиты.

Правда, непонятно, как ношение этого девайса могло сочетаться с религией. В наше время вообще мало кто признавался в его наличии. Я вспомнил, как техник на станции рассказывал о романтичном моменте: он слушал музыку вместе

со своей подругой, прислонившись к ней головой.

Немного повозившись, я перенастроил звук на общий. Завтрак прошёл под приятный микст струнных инструментов и барабанов в сопровождении картинок пляжей и тропических лесов.

— Что желаете ещё? — поинтересовалась сеть, когда я выключил музыку.

— Валяй новости. — я желал узнать, чем живёт планета и её обитатели. Человечество, рассеянное по звёздным системам, утратило единство — глобализация осталась в прошлом. Поэтому каждый новоприбывший неизбежно сталкивался с непривычным укладом жизни.

Домашка тут же подключила новостной эфир:

— Ежегодно наши плантаторы собирают на планете более ста миллионов тонн фруктов, две трети которых составляют разнообразные сорта манго. Компания «Фруктовый рай» уже много лет удерживает лидерство на рынке. Её владелец, Диу Гомерис, заслужил прозвище мангового короля, — диктор зачитывал новости, изображение сменилось кадрами огромных плантаций, а затем показало сортировочный цех, по которому прогуливался элегантный пожилой джентльмен в безупречно сидящем костюме. Камера приблизилась, чтобы показать на лацкане пиджака значок активиста.

— Девяносто процентов всего урожая идёт на экспорт, — продолжила диктор, и экран наполнился изображениями довольных потребителей в дальнем космосе и на других плане-

тах, радостно открывающих упаковки с экзотическими плодами.

Махнув рукой на эту муру, я переключился на другой канал, где оказался в мире животных Эклезона — передача, посвящённая морским млекопитающим. Эти разумные существа внешне напоминали земных китов и за внешнее сходство получили название «косатки».

Я уже собирался идти дальше, когда голос за кадром объявил, что исследование этих существ находится под патронатом губернаторской семьи, а точнее — её старшей дочери, Сары де Лар.

Вот теперь стало интереснее! Может быть, это именно та Сара, которую Анна называла Сэл?! Я сел и стал смотреть внимательнее, надеясь увидеть, как выглядит сестра моей новой знакомой. Но на экране продолжали мелькать лишь подводные съёмки животных, научные экспедиции, репортёры и морские суда. Маститый учёный рассказывал о способности местных косаток разогревать и охлаждать в головном мозге некую малоизученную субстанцию.

Я невольно коснулся лба: «Ёшкины кошки, я ж вчера стал движением! Габ, мать его!» Нужно было обязательно провериться на повторы — ну совсем не хотелось словить это состояние на работе. В габе я совершенно терял себя. Без опоры на привычный мир, полный целей и желаний, я чувствовал себя обнажённым. Движение, становясь частью моей личности, стирало границы времени, дарило удивительное

ощущение свободы, но оно было абсолютно недопустимо в операционной. Случись что — я в этом состоянии не сразу и отреагирую!

Опытным путём я открыл надёжный тест на угрозу повторного габа. Для этого подходила любая киберигра, и вчерашняя находка полки с геймерскими девайсами пришлась кстати. Я свернул новости, надел выдавший виды VR-шлем и нырнул в теннисный симулятор. Комната растворилась, уступив место корту, а в правой руке появилась ракетка. Напротив пружинила ноги теннисистка — подтянутая, с вызывающей пышностью форм, её мускулы перекачивались под кожей, готовясь к подаче. Замах — и мяч сорвался, рассекая воздух. Я вцепился взглядом в траекторию, отбил — она парировала, отправляя обратно. Я ждал, что полёт мяча вовлечет ум в движение, но габ не накрывал.

«Слишком быстро». — мелькнуло у меня в голове.

Вращающийся мяч замедлился вдвое, и ни фига. Я снизил скорость до четверти — и едва не пропустил, отвлекшись на ритмичное движение груди партнёрши. Еще десяток обменов и я поверил в свою стабильность. В удовлетворении вынырнул из симуляции, стянул шлем и зевнул. Пора переключаться на рабочий ритм этой планеты.

— Здравствуйте, доктор Читерев, — профессор поднялся из-за стола и протянул мне руку. — Простите, что вчера не смог принять вас. Просто не было возможности: пришлось

бы ждать до самого вечера, а после дороги необходим отдых. Скажите, пожалуйста, как мне к вам обращаться: Никита? Николай? — Добрый день, Франц Иосифович. Пожалуйста, обращайтесь «Ник». Да, по внезапному визиту — я всё понял.

— Хорошо, сегодня у нас достаточно времени, расскажите о себе.

Франц Иосифович Добровеев выглядел коренастым сухеньким стариком с густыми седыми волосами и бородкой.

Я подумал, что к его подвижному лицу и тёмным глазам подошли бы очки из прошлых веков, но тут же понял: Добровеев и так выглядит на все сто процентов по-профессорски. Позже я узнал, что Франц Иосифович принадлежит к династии врачей и возглавляет клинику более двадцати лет. Что в последние годы Добровеев занимается обучением молодых специалистов, проводит консультации, но сам уже не оперирует.

— Итак, Ник, — произнёс он доброжелательным и ослабленным тоном. — Ваш послужной список и профессиональные навыки позволяют занять должность старшего хирурга роботизированной системы. Но прежде чем официально объявить, что эта позиция ваша, я хочу, чтобы вы досконально изучили работу клиники. Поэтому внимательно смотрите, вникайте, постепенно пробуйте выполнять задания. Не стесняйтесь задавать вопросы, даже если они кажутся вам глупыми. Лучше спросить и понять, чем сделать

ошибку, которая может стоить кому-то здоровья или жизни. В вашем мастерстве я не сомневаюсь, но у нас здесь не просто РАС-хирургия, а целый комплекс тонких нюансов в лечении.

— Франц Иосифович, я не спешу. Для меня важно не просто занять должность, а стать максимально полезным вам и всей команде. Я понимаю, что здесь всё устроено иначе, чем в медцентрах станций, и готов учиться.

— Отлично, — кивнул Добровеев. — Давайте сначала пройдем в аудиторию. Позже вам покажут клинику. И ещё одно: в пятнадцать часов у меня запланировано выступление перед журналистами. Хочу, чтобы вы присутствовали.

Закончив беседу, мы направились на утреннюю конференцию, где Франц Иосифович представил меня коллективу и предложил показать клинику. Алекс Грегсен, с которым я познакомился накануне, взялся провести экскурсию. Мы обошли оперблок: заглянули в операционные залы и осмотрели палаты восстановительного лечения.

С внедрением робототехники количество персонала уменьшилось в разы. Терапевтические нейросети диагностировали заболевания, назначали необходимые обследования и лечение, а роботизированные системы выполняли операции под контролем хирургов РАС. В сложных случаях врач сам выполнял этапы операции, управляя движением роботов через специальную консоль. За работу анестезиологического блока системы отвечал всё тот же хирург, привлекая при

необходимости специалиста по анестезии.

Я представил, как мог выглядеть «Росток жизни» в XX–XXI веках. Широкие высокие коридоры, украшенные арками и колоннами, классические аудитории клиники — всё это способствовало моим фантазиям. Воображаемая картина, где клиника заполнена сотнями врачей и медсестер, а в операционных трудятся бригады из пяти человек, вызывала уважение к архаическому обществу, сумевшему взрастить такое огромное — по современным меркам — число специалистов.

Экскурсия продолжалась около часа. За это время мы посмотрели отделение терапии и диагностики, лабораторию и даже заглянули в кафетерий, где застали группу веселящихся студентов. Поблагодарив доктора Грегсена, я сформировал свой ID в сети операционного блока и отправился слушать выступление профессора.

Клиника «Росток жизни» специализировалась на восстановительной хирургии, основным направлением которой были операции по пересадке стволовых и биопринтированных клеток. Я не обновлял свои знания в этой сфере уже несколько лет и хотел как можно быстрее ознакомиться с опытом коллег.

Добровеева я нашёл в небольшой аудитории с полукруглыми рядами скамей, оформленной в стиле XIX века. Вокруг профессора расположились журналисты. Стараясь никому не мешать, я осторожно прошёл к дальнему ряду.

Проектор посередине аудитории демонстрировал 3D-модель печени. Прозрачная картинка размером с большую тыкву показывала похожие на икебаны сосуды, которые врастают сверху и снизу, переплетаясь своими тонкими верхушками. Когда профессор увеличил изображение, стало видно, что весь орган изнутри пронизан тонкой сетью с разнообразными ячейками.

— Итак, — продолжил Франц Иосифович, — вся эта плёнка, соединяющая орган, — строма[1]. Она задаёт органу форму и питает его. Вы видите в ней сосуды и протоки? В свободных от них местах расположены собственные клетки печени. Именно сюда мы и пересаживаем трансплантат стромы со стволовыми клетками[2].

Профессор, используя лазерную указку, подробно разъяснял суть проводимых операций. Там, где он касался модели красной точкой, внутри появлялись тонкие светящиеся линии.

— Мы пересаживаем сюда, сюда и сюда, — продолжал он. — В идеале — вдоль родной стромы. Стараемся не задеть сосуды. Работаем, как хороший реставратор: когда мастер наносит новые мазки краски на старую картину, он ведь старается сохранить прежнее.

— Вы знаете, что стволовые клетки уникальны, — Франц Иосифович перевёл взгляд на слушателей. — Они способны быстро делиться и превращаться в клетки того органа, куда их пересадили. Уже более двух веков человечество собирает

при рождении индивида его стволовые клетки и сохраняет этот резерв для лечения. Ткань, напечатанная на 3D-принтере, менее эффективна, но в некоторых случаях мы пересаживаем и её.

— Простите, профессор, — прозвучал вопрос с галёрки. — А эти стволовые клетки индивида — они с исправленным геномом?

— Конечно! Весь пул проходит тестирование, и клетки с ошибками генетического кода к пересадке не допускаются.

Слушатели продолжали задавать вопросы. Внезапно раздался сигнал вызова, и Добровеев, извинившись, ответил на звонок. Затем он быстро покинул аудиторию, коротко попрощавшись с присутствующими.

Я остался на галёрке, задумчиво вертя в руках ручку и рассматривая модель. Трансплантация стволовой стромы выглядела более практичной, чем долгое выращивание искусственной печени с теми же стволовыми клетками на напечатанной 3D-строме. В последнем случае пациент был вынужден несколько месяцев таскать с собой новый, развивающийся орган, который подключали к его телу извне.

Журналисты, спустившись вниз, окружили модель и обсуждали презентацию.

— Чудесная технология, — пробасил полный мужчина с густой бородой. — Теперь можно пить, не боясь цирроза!

Окружавшие его дамы рассмеялись, сообщество работников пера оживилось, последовали фантазии на тему других

возможностей медицины.

Смартбит мелодично звякнул — пришло сообщение от Добровеева. Глава клиники приглашал меня пройти к операционным.

Видимо, хочет продемонстрировать метод на практике.

Это оказалось весьма кстати: у меня, как у специалиста, накопились вопросы, которые я предпочёл бы задать в ходе реальной операции, а не на пресс-конференции. Я прошёл к лестнице, опережая неторопливых роботов, поднялся на этаж выше и зашёл в операционный блок. Франц Иосифович встретил меня в главном коридоре.

— Взгляните сюда, доктор Читерев, — Добровеев подвел меня к монитору у входа в операционный зал. — Тут возникли проблемы с катетером. Видите? Сможете помочь?

«Значит, пригласили не просто поглядеть», — догадался я. Ну что ж, посмотрим, в чём дело. Операция шла полным ходом, и трансляция велась одновременно с камер робота-хирурга и врача. Робот аккуратно удалял обширную опухоль, локализованную в дне мочевого пузыря, медленно продвигаясь к мочеточнику. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть детали и въехать в тему.

— Франц Иосифович, скажите, пожалуйста, почему мочеточник ещё не катетеризирован? Не установлены ли анатомические ограничения для робота? — обратился я к профессору. — Катетеризация ведь поможет сохранить мочеточник.

— В этом-то и суть! МикроМРТ показало, что опухоль не затронула мочеточник, но... — профессор слегка покачнулся и опёрся на стену. — Доктору Грегсену не удаётся найти устье — его прикрывает опухоль! Уже два часа пытаемся разобраться.

— Краску вводили?*[3]

— Обязательно, но, думаю, вымылась. Введем еще. Вы можете нам помочь?

Когда-то хирурги, имея прямой контакт с телом, обязаны были мыть руки и надевать стерильную одежду и перчатки. Теперь всё иначе.

Я вошел в кабину для операторов РАС. Пациент находился за прозрачной стенкой. Он лежал на операционном столе, над которым нависал массивный хирургический робот. Устроившись в кресле, я надел шлем, напоминающий игровой VR, и поместил руки на консоль управления. Шлем мгновенно просканировал биометрические данные глаз и разрешил доступ к операции.

Я оказался в огромном, наполненном водой пространстве. Сверху, подобно розовым тучам, нависало дно пузыря. Откуда-то позади к этим тучам тянулись телескопические мачты, напоминая крепления огромного вантового моста — я видел такой на планете, где вырос. Это работали инструменты робота. Шлем увеличивал реальную картину в десятки раз.

Свой инструмент я видел как нос маленькой красной ло-

дочки. Проверив управление, я начал подниматься наверх, к «тучам»: у хвоста лодочки был закреплён катетер.

Я медленно перемещался вдоль верхней части пузыря, пытаюсь обнаружить вход в мочеточник. Работа работа была приостановлена, чтобы он не мешал осмотру. Однако, несмотря на изменение направлений и углов обзора камеры, мочеточник оставался невидимым. Я маневрировал почти десять минут, но вход в мочеточник, словно играя в прятки, скрывался от меня, как ранее от моего коллеги. Осознав, что шансов найти его нет, я сказал:

— Качните стол пациента. Необходимо резко приподнять головной конец. Остатки синьки выйдут из почки в мочеточник и пузырь. Может, успею заметить, где.

— Но изменится гидродинамика. Вас отнесёт волной в сторону! — возразил профессор. Он находился позади меня в кабине и следил за происходящим через монитор.

— Давайте попробуем, — я знал, что тонкий и гибкий инструмент легко отклоняется в разные стороны, но надеялся успеть.

Команду передали роботу-ассистенту. Стол изменил положение, и жидкость начала перемещаться, образуя турбулентность. Стремясь удержаться у верха, я почти вплотную прижался к стенке пузыря. Повезло: рядом, между слизистыми складками-облаками, — я заметил точку, от которой вниз отходил синеющий хвостик. В эту пещеру и нужно было попасть. Я продвинул инструмент вперёд, преодолевая толчки

закручивающейся воды, тянущийся сзади катетер парусил и мешал следовать по курсу. Угол входа в устье оказался совершенно неудобным, и я понял, что сейчас потеряю его из виду. Мою камеру качало, но мне удалось отметить направление указателем цели. Нейросеть выставила ориентиры входа относительно рельефа складок.

Слева, у дна пузыря, находился инструмент робота — серебристый и огромный благодаря увеличению, он резко контрастировал с розовым сводом пузыря. Хорошо, что этот инструмент оставили на месте. Именно он мне и поможет: прыгну от него! Система навигации рассчитала угол приближения к инструменту, угол отскока и варианты попадания в разные участки дна. Один из вариантов показывал точное попадание. Оставалось только доверять своим пальцам.

Вперед!

Следуя отмеченной траектории, я быстро толкнул инструмент. Нос маленькой лодочки коснулся металлического исполина и направился в сторону синей точки, которая превратилась в сине-зелёный тоннель. Я провёл инструмент с катетером далее и поднялся в лоханку почки. Затем включил систему стабилизации катетера и вернул инструмент обратно. Этап операции был выполнен!

Сняв шлем, я вытер выступивший на лбу пот. Профессор одобрительно похлопал меня по плечу. Оглянувшись, я увидел за своей спиной нескольких зрителей, некоторые из них тоже наблюдали за операцией через свои шлемы. Пара

коллег даже зааплодировала. Я улыбнулся — вот он, момент признания мастерства!

Так было и четырнадцать лет назад, когда я выиграл кубок. В то время хирургия не была моей профессией — даже в проекте. Тогда я стал чемпионом в киберспорте! В самом Global Planets Cyber Games. Нет, не в главном командном турнире, конечно, но в топовом дуэльном шутере.

[1] Строма — Мягкий соединительнотканый каркас, определяющий пространственную организацию органа. Основными функциями стромы являются — опорная и питающая.

[2] Стволовые клетки — недифференцированные (незрелые) клетки, способные самообновляться, образуя новые стволовые клетки и превращаться в клетки различных органов и тканей.

[3] Метиленовый синий является синтетическим красителем, широко применяемым в различных областях медицины. Для обнаружения мочеточника во время операции раствор метиленового синего вводят внутривенно. Выделяясь с мочой раствор окрашивает мочеточник.

Часть 1. Доктор. Глава 3

Четырнадцать лет назад

— Нииф Ниф, — Тим почему-то растягивал первую «и».

— Этот спец оттуда!

— Да хоть Нуф-Нуф с Наф-Нафом! Или кто там еще есть в этой сказке?! — я пожал плечами. — Не пойму, чем нам сможет помочь этот поросенок?

— И точно поросенок! — глаза Тима весело засверкали. — Его некоторые так и называют, он, кстати, на порося похож. Я зову его просто — Ниф.

Мы сидели в номере гостиницы The cyber dimension of worlds, расположенной на станции Лиламер — крупнейшем межпланетарном центре игр. Тим устроился в кресле напротив, вытянув длинные ноги. Он был старше меня на двадцать шесть лет. Высокий, слегка скошенный к лысине лоб, длинный широкий нос и густые брови придавали лицу волчьи черты. Густые брови, почти сросшиеся на переносице, создавали впечатление постоянной сосредоточенности. Они были темными, контрастируя с более светлыми усами, и казалось, что они всегда слегка нахмурены, даже когда он улыбался.

Тим Люпин был опытным игроком, вписавшим свое имя в историю киберспорта. К сожалению, доход от игр, полученный в молодые годы, он промотал. А авантюрно-криминальные наклонности привели его на какой-то склад, где он, как

рассказывали, отморозил руки и навсегда расстался с играми. Последние два года Тим был моим тренером и агентом. Ему удавалось находить те игры, которые мне давались легче чем другим. От пустяковых выигрышей мы постепенно переходили к играм с крупным призовым фондом. Наши аппетиты росли со ставками.

— НИИФ НИФ — это Научный исследовательский институт физиологии нейроинтерфейсов, — пояснил Тим. — Был такой какое-то время назад, пока не закрыли. Все разработки засекретили. Этот ученый спец там раньше работал. Поможет прокачать твои пальчики.

— Надеюсь, их не придется менять на биомеханику.

— Родными сможешь ковырять в носу... Всю жизнь, когда выиграешь!

Я слышал о игроках, пытавшихся с помощью нейротехнологий получить преимущество. Они использовали агодакты или апдакты[1], так назывались специально созданные для игр бионические протезы.

Выглядели протезы как обычные руки. Чаще всего обман вскрывался. Лига киберспорта славилась своей бескомпромиссной строгостью и непоколебимой приверженностью честной игре. Каждый участник, прежде чем ступить на виртуальную арену, проходил тщательную проверку. Биометрические данные игроков — от отпечатков пальцев до сканирования сетчатки глаза и анализа ДНК — хранились в защищенных базах данных. Система была настолько совершен-

ной, что малейшая попытка обмана или подлога мгновенно обнаруживалась. За нарушение правил следовали суровые наказания: за обман — пожизненная дисквалификация, а за мошенничество — тюремный срок.

— И как при этом остаться «чистым»? Ты сам говорил, что там лютые проверки.

— Не ссы, останешься. Эту штуковину для шпионов, наверное, делали. Ниф рассказывал, ее ни один детектор не берет.

— Допустим. — сомневался я. — А сколько он хочет?

— Четверть призовых. Ник, у нас останется целое состояние!

Спонсорами турнира выступали ведущие компании с пяти планет, каждая из которых стремилась подчеркнуть свой статус и влияние в спортивном сообществе. Они не только предоставляли финансовую поддержку, но и активно участвовали в организации: их логотипы мерцали на экранах, продукция использовалась участниками, представители занимали почётные места в жюри.

Призовой фонд, даже для дуэльных матчей, был поистине солидным. Суммы казались фантастическими для тех, кто привык к скромным гонорарам локальных соревнований. Первое место гарантировало не только внушительный денежный приз, но и контракты с ведущими клубами. Второе и третье тоже не оставались без наград: солидные призовые, доступ к премиум-тренировочным программам и ам-

бассадорство брендов.

Упустить шанс отличиться здесь было немыслимо! Это не просто возможность доказать мастерство или взять приз — это момент войти в историю.

Чтобы встретиться с Нифом, нам пришлось одолеть триста миллионов километров пустоты по сложному маршруту, петляющему через два исполинских межпланетных узла, где сплетались десятки трасс, словно артерии галактической цивилизации. Станции-узлы кишели грузовиками, челноками, но пассажирские лайнеры попадались редко.

Бывший наукоград с призрачным НИИ ФНИФ притаился на исполинском астероиде — монолите размером с земную Луну, чья поверхность была изрыта кратерами, словно шрамами забытой войны. Ни следа бывшего величия в базах данных: всего лишь унылый ремонтный хаб на обочине космоса, болтающийся неподалёку от необитаемого газового гиганта с незначительными запасами полезных ископаемых в глубинах. Путешествие растянулось на три недели: монотонный гул двигателей казался особо доставучим когда мы ложились спать, искусственная гравитация порой вызывала головокружение, а бесконечные виды чёрной бездны за иллюминатором вынуждал меня скучать по планете.

Ниф не собирался встречать нас в космопорте, и мы, не теряя времени, поехали к нему домой. Учёный обитал в жилых пристройках к пустующей ныне лаборатории НИИ. Хозяина я увидел в инвалидном кресле. Он объяснил, что силь-

ная вспышка на ближайшей звезде облучила ноги и вызвала критическую радиационную нейропатию[2], лишив тем самым шансов на использование продвинутых протезов.

— А центральный нейроимплант не подходит. Несколько раз пытался, и каждый раз воспаление — не принимает мой мозг чужеродного!

От постоянного сидения Ниф стал пухлым. Лысая голова заканчивалась острой макушкой. На крючкообразном носу над большим подбородком сидели тёмные круглые очки. Яркий свет раздражал Нифа. На своём кресле он бесшумно скользил над полом, легко добираясь во все уголки дома.

— Сколько лет, сколько зим! — прогремел Тим, широко ослабившись, словно волк, учуявший добычу.

— Скорее, сколько апогеев и перигеев, — парировал Ниф, его хриплый резкий голос звучал неприятно. — На астероиде время не меряют годами, Тим. Здесь оно течёт циклами — ты знаешь: каждый апогей приносит жару газового исполина, а перигей дарит ледяную тьму. Новый виток — новый шрам на душе.

— Верно подмечено, — хохотнул Тим, его густые брови сошлись в ехидной складке. — Но сути не меняет.

Ниф фыркнул, бесшумно подкатив кресло к потрёпанному чайнику. Тонкие пальцы, дрожащие от нейропатии, ловко разлили ароматный настой по потрескавшимся кружкам — и запах синтетического имбиря с корицей заполнил воздух.

— Да, минуло немало витков с нашей последней встречи,

старый чёрт, — кивнул он, протягивая чашки. В круглых очках блеснули искры света от единственной лампы. — Я тут заскучал в этой норе, без твоих авантур. Ты бы заглядывал почаще, что ли! А это малец из твоей банды? — взгляд Нифа скользнул ко мне, прощупывая насквозь.

— Теперь мы с ним и есть вся банда, — ответил Тим. — Но об этом потом.

— Перейдём к делу, — предложил Ниф спустя час общих с Тимом воспоминаний. Признаться, я уже начал скучать, чувствуя себя чуждым их ветеранским теркам о прошлом.

— Ну, в общем, — Тим неожиданно хлопнул меня по плечу, — Ник у нас новичок в большом спорте. При этом парень башковитый: тактический склад ума, быстрая реакция, и, если... — Тим сделал паузу, — ты сможешь помочь с пальцами, мы можем сорвать крупный куш.

Ниф понимающе кивнул, а я ещё раз напомнил, что не собираюсь менять родные пальцы на игровые суперпротезы.

— Брось, Ник! И не придётся! — усмехнулся Ниф. — Не торопись, я всё объясню. Но пока не увижу тебя в деле, никаких гарантий.

Вернувшись через четверть часа, он поставил перед нами чёрный транспортировочный кейс и открыл его. Внутри лежали две плоские стеклянные баночки и небольшой пульт. Ниф вынул из одной баночки тонкую, как паутина, сеточку. Нажав кнопку на пульте, он с удовлетворением отметил, как сетка засияла мягким голубым светом.

— Смотри-ка, работает! Столько лет прошло... Эту сетку поставлю под кожу на пальцы.

Затем из второй баночки Ниф извлёк пинцетом нечто, напоминающее маленькую горошинку.

— А это, Ник, я называю жемчужиной. Представь себе, эта часть нейроинтерфейса будет напрямую взаимодействовать с твоим мозгом, — добавил он, легонько постучав меня по лбу.

— Что?! — возмутился я. — Вы собираетесь лезть прямо в мозг? Разве я инвалид-инсультник или у меня нет конечностей?! Идите на хер, не собираюсь я рисковать здоровьем!

— Да не в мозг, Ник, а в череп, — Ниф говорил со мной, как с маленьким ребенком. — Установим за теменной костью, между чувствительной и двигательной извилинами. Эта штука расплывается над нужными зонами и при сканировании выглядит как утолщение мозговой оболочки. Настолько незначительное, что никто не заподозрит.

— Зачем такие сложности? — спросил я, стремясь понять, чем рискую.

Нафиг мне операции.

— Вынужден напомнить нейрофизиологию движений, — начал лекцию Ниф. — Когда, Ник, ты видишь объект, твой мозг обрабатывает зрительный стимул. Допустим, ты принял решение, и твои пальцы готовы действовать, — он поднял указательный палец вверх.

— Но пока нервный импульс проходит от двигательной

извилины, через мозг идёт задержка. Небольшая, какие-то миллисекунды. Затем импульс проходит через спинной мозг — там тоже задержка, — затем следуют крупные нервы рук со своим ограничением по скорости. В конце идёт передача импульса на мышцы, что тоже занимает время. Все эти миллисекунды складываются... Обратный импульс от рецепторов рук до чувствительной зоны мозга так же занимает время.

— И что? — я не желал возражать авторитету Нифа, но инстинкт самосохранения брал верх.

— «Жемчужина» позволяет мозгу связаться с пальцами напрямую. Эта сеточка на пальцах ловит сигнал на нескольких дублируемых частотах. Так вот этот нейроинтерфейс и работает. Ох, если бы у меня была такая! Встречал бы друзей на ногах! Кроме скорости, встроенная нейросеть самостоятельно обрабатывает поступающие сигналы, запоминает и воспроизводит удары и прыжки. В итоге твои пальцы начнут двигаться быстрее, чем ты успеешь подумать.

— Прикинь, ты сможешь мочить противников на арене, даже пальцем не пошевелив, — ухмыльнулся Тим. — Аппакты мечты!

— Внешне все движения выглядят естественными, — заверил Ниф, — хотя и очень быстрыми.

— Ты точно уверен, что об этом нейроинтерфейсе никому не известно? — спросил Тим.

— Это копия с кремниевой формы жизни, — ответил

Ниф, — с неизвестной экзобиологам губки. На одной из дальних планет эволюция пошла не по углеродному пути, а по кремниевому. Жизнь там существует в океане, и губки — самые высокоразвитые организмы. Когда губку доставили в наукоград, выяснилось, что её электрический скелет способен вызывать сокращение мышечных клеток из углерода. Единственный образец передали в мою лабораторию, и там инженеры сделали интерфейс, используя особенность чужеродной жизни. По сравнению с нами синапсы губки в сотню раз чувствительнее к сигналам нейроимпланта. Технология разработана в НИИ ФНИФ, и больше её нет нигде.

Я был впечатлён. Мы с Тимом переглянулись — в глазах тренера хищно играли огоньки.

— Все, кто знал о проекте, погибли, — продолжал Ниф, погружая нас в трагические события прошлого. — Учёные и испытуемые НИИ ФНИФ стали жертвами метеоритного дождя двадцать лет назад. Я уцелел случайно. Катастрофа нанесла огромный ущерб инфраструктуре, в результате наукоград закрыли, а исследовательские лаборатории перевезли в другие места. Большинство учёных покинули этот город. Оставшись единственным из нашей команды, я уничтожил все данные по проекту. Это была секретная разработка, и никто не должен был узнать о её существовании. Существовал ещё один вариант, когда жемчужину подсаживали в мозжечок, чтобы нейросеть управляла координацией в невесомости. Чисто вариант для шпионов. При сканировании мозга

жемчужина выглядела как инкапсулированный паразит, — Ниф хихикнул. — Так что, мои друзья, предлагаю эксклюзив!

— Так сколько ты хочешь? — Тим уточнил условия. — Тридцать процентов. И не вздумай, старый чёрт, торговаться!

Старики ударили по рукам. Далее Ниф дал мне выпить какую-то таблетку и провёл в операционную, где нас ждали два медицинских робота. Я видел эти аппараты впервые в жизни. Внешне каждый напоминал полукруглый шкаф с T-образной консолью наверху. На консоли находились четыре манипулятора с инструментами для разрезания и сшивания человеческой плоти.

Хоть внешне они и выглядели вполне безобидно, от страха мне показалось, что окружающий мир поплыл перед глазами. Ниф помог мне устроиться в кресле, придвинув его в положение полулёжа. Роботы коснулись моих рук и начали работу, каждый занимался своей. Вскоре я почувствовал лёгкое покалывание в кистях, будто их отлежал. Затем пальцы начали неметь. Я приготовился к долгой операции, но процедура завершилась через пять минут. Установка «жемчужины» прошла ещё быстрее: сначала я ощутил слабую вибрацию в области темени — это единственное, что я запомнил.

— Сделано! — сказал Ниф. — Теперь тебе предстоит научиться жить с этим интерфейсом. Пару дней воздержись

от игр, делай упражнения на мелкую моторику. Обычные повседневные действия, где она задействована. Начиная постепенно, не спеши увеличивать скорость. Когда разгонишься, не пытайся контролировать пальцы, замедлять их. Главное — тебе надо привыкнуть к скорости. Это некомфортно. Тактильная чувствительность изменит канал восприятия информации. Если раньше доминировал зрительный или слуховой канал, возможно, теперь баланс станет другим.

— Вам надо пройти пару несложных игр, — Ниф обратился к Тиму. — Когда малец будет готов, ищите те, где будет преимущество.

— А если я решу избавиться от этого нейроинтерфейса, мне опять надо прибыть сюда? — спросил я Нифа.

— Нет такой необходимости. Я сообщу тебе код, который ты с помощью апдактов сможешь ввести любому хирургическому роботу класса PRO. Код содержит команду и подробный алгоритм. Машина сделает необходимую операцию. Этот же код применяется и для установки апдактов, отличие лишь в команде.

— Спасибо, — ответил я Нифу. — Это на будущее, если что. Пока я готов покорять мир.

— Ну и отлично! — похлопал меня по спине Тим.

Следующим местом назначения мой тренер объявил Ганешмед — планету, где я родился и провёл большую часть детства. Никто уже и не помнил причину столь странного названия. Одни этимологи утверждали, что первыми пере-

селенцами были индусы, нарёкшие новую родину в честь Ганеши — бога мудрости и благополучия, другие связывали топоним со спутником Юпитера Ганимедом. Эти версии были известны любому школьнику планеты.

Мы нуждались в крипах на стартовый взнос, и Тим подыскал для нас короткую и доходную работёнку. Я уже два года не был на родной планете, и предстоящее возвращение поддерживало меня, придавая сил перед профессиональным level up. Во время перелёта Тим погонял меня в различных оффлайн-шутерах и остался доволен результатом. Апдакты оправдывали себя!

На родине и произошёл первый «габ». Сбой в восприятии открыл дверь в новое измерение и показал, что нейроимплант способен влиять непредсказуемым образом. Вечером, привыкая к тяжести тел, мы прогуливались по пешеходной зоне. Тим рассказывал истории, связанные с планетой, а я слушал и крутил в пальцах сувенирную монетку из космопорта — тренировал апдакты, быстро перебирая металлический диск то правой, то левой рукой.

Этот день остался в памяти навсегда: я шёл рядом с другом, разглядывал прохожих и ни о чём не думал. Три транспортных электролёта разворачивались неподалёку, готовясь к посадке. Неожиданно я заметил, что их движение удивительно гармонично, словно каждый двигался по орбите вокруг единого невидимого центра. Я остановился и, заворожённый этим зрелищем, дождался посадки всех трёх.

Это было начало. Следом я начал замечать тонкости любого движения: как приближаются объекты при ходьбе, как перемещаются мои руки и ноги. И затем я сам стал движением — меня накрыло, будто я глубоко нырнул. Движение, подобное воде, окружало меня, но не являлось чем-то внешним: я ощущал себя единым с ним. Когда меня окликнул Тим, я медленно поворачивался на месте, глаза по сторонам. Меня заполнила невообразимая свобода: прежний я с его планами, тревогами и суетой мыслей исчез в одно мгновение.

— Эй, Ник! Ник! — он помахал мне перед лицом. — Чего завис? С тобой всё в порядке?

— Ага! — я перевёл взгляд с рук на встревоженное лицо Тима. — Но ощущения очень странные.

Я описал свои переживания тренеру так подробно, как мог. Возможно, он что-то понял, хотя точно сказать трудно — ведь у Тима не было подобного опыта. В ходе нашего разговора я заметил, что восприятие реальности больше не играет в игры. Всё завершилось столь же внезапно, как и началось. Вернувшись в гостиницу, Тим связался с Нифом, а я рассказал учёному о странной фигне.

— Так, — озадаченно сказал Ниф, — говоришь, что до установки нейроинтерфейса такого никогда не было? Это точно в первый раз?

— Совершенно точно!

— И в детстве не было? Эпилепсией не страдал никогда?

Ник, постарайся вспомнить!

— Да не было, не страдал. Я бы запомнил! Это точно связано с операцией. Может, роботы что-то повредили?

— Связано, так связано, — заскрипел после паузы Ниф. — Только ничего тебе не повредили. Возможно, нейроимплант ловит неизвестные сигналы с твоих пальцев — точнее, с кремниевой сетки — и передаёт их в ту зону мозга, что воспринимает движение.

— Постойте! — меня осенила мысль, от которой по спине побежал холодок. — В моих пальцах что? Живая инопланетная губка?

— Только лишённая нервной системы часть. Не исключено, что она вообще ни при чём. Возможно, нейроимплант сам по себе влияет на мозг. А изменение гравитации послужило триггером. Признаюсь, этот аспект мы изучили недостаточно: гравитационные колебания на астероиде минимальны. Известен лишь один похожий случай. Ты справишься — просто переключи свой ум, дай извилинам другую задачу. Короче, не дрейфь, я уверен: это безопасно. Обязательно держи меня в курсе, если всё повторится. Говоришь, в движении ощущал покой, а в покое — движение? А... Ну ты счастливчик!

Мне оставалось лишь верить словам учёного. А как ещё? Скорее всего, я многого ещё не знаю, что связано с этой штукой в голове. Но Ниф ведь заинтересован в моих победах — значит, и в моём благополучии.

— Ниф! — обеспокоился в свою очередь Тим. — А если это произойдёт на шутере или спидране? Ты бы видел нашего чемпиона: на месте застыл, взгляд расфокусирован! Как он геймить будет?

— В игре подобное маловероятно: стресс и мотивация наверняка ограничат столь тонкое восприятие, — в голосе Нифа звучали спокойствие и лёгкая усталость, будто мы утомляли его расспросами о насморке. — Я уверен.

Нам с Тимом оставалось только надеяться. Через неделю, собрав необходимую сумму, мы вылетели за чемпионским титулом.

Лиламер был крупнейшим галактическим медиацентром, объединявшим спортивные арены, зоны киберспорта, концертные площадки, казино и многочисленные залы для презентаций. Благодаря удобному расположению станция стала ведущей ивент-площадкой. Трансляцию Global Planet Cyber Games, как обычно, планировалось вести через сеть спутниковых ретрансляторов одновременно на несколько планет. Спутники связывались друг с другом посредством направленных лазерных лучей, обеспечивая минимальное время задержки при просмотре.

Перед участием в главном соревновании предстояло пройти квалификацию. Я не дрейфил: это была возможность ещё раз потренироваться, а заодно проверить, не обнаруживают ли себя апдакты. Сканирование прошло быстро — как и обещал Ниф, система допуска ничего подозрительного не

обнаружила. В геймзоне меня проводили до места, где я выслушал последний инструктаж.

Игра начиналась с создания собственного визуала на основе шаблона игрового мира. Каждый игрок прорисовывал своего персонажа, противника и арену. Для этого перед началом состязания участникам предлагали трёхмерную координатную сетку и ИИ-графический редактор. Давая задания голосом и корректируя действия консолью, игрок придумывал внешний вид, оружие, детали. Условия были одинаковыми, и участники создавали персонажей со схожими характеристиками и оружием. За креативность начислялись очки зрительских симпатий по баллам. Учитывалась харизма персонажа и привлекательность игровой арены. Автор лучшего визуала получал отдельные призовые.

По-честному, я не силён в открытой графике: эта дисциплина вошла в финал Global Planet Cyber Games последние три турнира. Когда организаторы отдали прорисовку участникам, идея пришлась зрителям по вкусу. Визуальная составляющая стала непредсказуемой — некоторым удавалось создать настоящие шедевры. Победители — команда или отдельные игроки — выступали нарисованными персонажами на своём поле. Проигравшие лишались собственной визуализации и сражались на поле соперника в созданном им облике.

На пути к слоту я задержался у девушки в шлеме и бросил взгляд на монитор. Участница уже создала мир, и теперь её

персонаж в скафандре прыгал на вращающийся обломок корабля, с которого вёл огонь по атакующим шаттлам. Девушка демонстрировала неплохую скорость и ловкость в управлении персонажем.

— Оценил?! Она молодец! — пробасил сопровождающий меня куратор и аккуратно подтолкнул, давая понять, что пора проследовать на место.

— Поглядим, чему тебя Тим научил. Насчёт графики не дрейфь: квалификация здесь больше формальная. Пока что. Участники будут создавать игру перед финалом. А то в прошлый турнир организаторы переборщили, и народ посыпался, создавая на квалификации хардкорного босса.

Я кивнул: до финала ещё предстояло добраться. Затем уселся в кресло, надел шлем и запустил графический движок. Участникам отводилось полчаса на создание игры и десять минут на прохождение.

Перед глазами вспыхнула сетка из мерцающих точек и линий, словно цифровая паутина.

Я вырубил изображение, закрыл глаза: у меня были заготовки, но сейчас необходимо то, что придет на ум первым. Графический ИИ раздул идеи в ослепительный мир, достойный финала. Куратор одобрительно прогремел, и миг проверки настал.

Итак... Старт — прыжок — свободное падение. Раскинув руки, я пытался балансировать в воздухе, цифры сбоку показывали скорость и расстояние до объекта.

Волнообразными движениями большой синий ящер плыл над землёй. Он слегка дёрнулся, почувствовав меня: я только что приземлился на спину между крыльев и, не удержавшись, отскочил. Вместо пронесшегося мимо крыла пальцы схватили воздух. Падаю! Попытка потеряна, осталось ещё две.

На этот раз я отскочил в сторону хвоста, за который успел ухватиться в последнюю секунду. От резкого движения закружилась голова. Как я это сделал? Возможно, система нейроинтерфейса запомнила движение в пальцах и увеличила скорость в этом паттерне — мне некогда об этом думать.

Я обхватил ногами чешуйчатый хвост дракона, устроившись как на спине у лошади. Следующая задача — добраться до спины, где между кожаных крыльев примотан лентой светящийся сосуд. Дракон, пытаясь сбросить меня, стал дёргаться сильнее.

С трёх сторон ко мне приближались мерзкие гарпии — на них я истратил более половины стрел и пять минут времени. А ведь ещё следует добраться до сосуда и аккуратно распутать его.

Дракон медленно под углом поднимался к плотным облакам. Скоро земля скроется из виду. Я посмотрел вниз: большие красные цветы, куда в финале необходимо приземлиться, постепенно отдалялись. Если промахнусь, то разобью сосуд и сам не уцелею.

Отбив очередную атаку, я убрал лук и, чередуя ноги и

руки, полез по спине. Вскоре тело дракона стало довольно широким. Я бежал на всех четырёх конечностях, цепляясь за крупную чешую. Пальцы начали уставать: я с трудом выжимал на сенсорах консоли положенные ньютоны, чтобы не слететь, а впереди ещё предстояла тонкая работа по развязыванию сосуда.

Ух, добрался! Кое-как устроившись, чтобы не упасть, онемевшими пальцами я распутал ленту. Есть! Спрятав сосуд в сумку, посмотрел вниз — контрольные точки приземления остались позади. Теперь до них не допрыгнуть.

Вот на кой... я столько времени потратил на стрельбу?! Что теперь делать?!

Снизу подо мной летит ещё один дракон, поднимаясь под тем же углом к горизонту. Мне от него ничего не нужно. Разве что...

Я прыгнул вниз и на подлёте к ящери погладил сенсоры консоли особым, указанным Нифом, способом. Апдакты продублировали предыдущее управление падением. Не пытаясь в этот раз удержаться, я отскочил от спины, надеясь, что угол выбран правильно, скатился с хвоста и стал падать в сторону финишной зоны.

Красный цветок, на миг закрыв свет, обхватил меня, подобно спасательному батуту.

Пройдено!

Мой результат оказался одним из лучших. Хотя я не показал самую высокую скорость, зато по количеству баллов

за стрельбу занял первое место. Выразавший скепсис ассистент теперь смотрел на меня с уважением. Окрылённые успешным началом, мы с Тимом вернулись в гостиницу. Скромно, без излишеств, отметили старт в ресторане. Расслабляться было рано: впереди нас ждала одна шестнадцатая турнира.

После восьми напряжённых игр я вышел в финал. Я солгу, если скажу, что не устал, но с каждым матчем мои возможности открывались всё новыми гранями, наделяя персонажа удивительной ловкостью и быстротой. О таком уровне игры можно было только мечтать! Я вспомнил тот момент, когда впервые взял в руки консоль, когда осознал: вот мой путь к совершенствованию тела и духа, где мастерство проявляется в умении контролировать каждый мускул, каждую деталь.

Это состояние, когда движения на арене становятся частью тебя, когда мысль мгновенно воплощается в прыжке, ударе, выстреле... Идеальное движение требует не только точности, но и полной концентрации ума, быстрого схватывания возможностей пространства и персонажа.

Подобно героям мифов, которых боги наделили дарами, я обрёл идеальное движение за краткое время, минуя годы тренировок. Тело и разум слились в единое целое, каждое движение стало естественным продолжением предыдущего. Без разочарований, без обид на себя и лишних размышлений, с помощью науки и читерства я обрёл результат легко и эффективно.

Этап графики проходил накануне решающего поединка. Не скрою, я рассчитывал впечатлить зрителей, но продул. Микки был не только опытнее в этой дисциплине, но и талантливее: созданная им арена и персонаж выглядели ярко и захватывающе.

— Не бери в голову, — пробасил Тим, хлопнув по плечу. — Ты геймер, а не визуализатор.

Эх, если бы мы с тренером знали, что дойдём до финала, то уделили бы этой части подготовки больше внимания!

Тим развалился в кресле номера и читал вслух правила: «Дуэльный шутер будет проходить на башне... На вершине, в центре последней площадки, расположен флаг. Овладевший флагом получает максимальное количество очков. Оба игрока начинают снизу. Время подъёма до флага без учёта столкновений с соперником составляет примерно семь минут. Если ни один из игроков не достигает флага и не убивает другого, побеждает тот, кто занимает более высокую позицию».

Он приутих, читая дальше и размышляя; я ознакомился с правилами ещё в геймзоне.

— Ты слышал что-нибудь о Сию Минге? — спросил я, полистав новостную ленту.

— Что за хер? — вяло отреагировал тренер.

— Мастер находить скрытые интерфейсы. У него своя продвинутая система с девайсами. Пишут, что будет присутствовать на финальной игре.

— И что с этого? Официально он не является контроллёром. Я всех выпускающих знаю. Не бзди, не засветишься. Подумай-ка лучше об этом: организаторы, по сути, сделали рельеф третьим игроком. Понять его и привлечь на свою сторону совсем непросто. Есть следующие заковырки, — Тим начал загибать пальцы. — Во-первых: в башне сложно быстро поймать переход от склона к небу, когда ты бежишь, а потом тебе надо стрелять вверх. Если противник внизу — намного проще.

— А то я не знаю! Я тренировался в этом.

— Во-вторых: под ноги попадают коварные камни. Они движутся при малейшем касании, падают, сползают, и ты, съезжая на них, можешь попасть в какие-то норы вполовину роста. А там уже станешь идеальной мишенью.

С этих камней и началось моё фиаско по созданию арены. Я покачал головой.

— Да по хрен!

— Скалы и толстые деревья, что идут до самого верха, — это неплохое укрытие, но они ловят твоё отражение, как зеркала. Чем быстрее спрятался, тем быстрее они изменят конфигурацию и просто оттолкнут тебя под выстрел. Под корнями деревьев лежат патроны и аптечки. Учти: если быстро к ним прыгнуть, можешь и не успеть взять...

— Да блин... Впервые вижу столь активную локацию. Здесь всё на тактике!

— Да! Твой выигрыш в скорости уже не главное. И ещё:

верх башни затягивается туманом, который сгущается и развеивается совершенно случайно.

Противник — Микки. Он капитан команды «Сладкая Н», третьей в рейтинге лиги. Профи с большим мастерством, дошедший до финала с существенным отрывом от остальных по очкам. Серьёзный соперник в дуэли. Конечно, он опытнее меня, хоть и не быстрее. Интересно, есть ли ещё козырь против него?

— Всё, что ты будешь делать, абсолютно непредсказуемо, — Тим выглядел одновременно озадаченным и воодушевлённым. — Эх, мне бы такую суку-локу!

— Наш невообразимый турнир, — начал выступление ведущий, — собрал лучших из лучших! Что мы видели эти дни? Репутации создавались и рушились в считанные секунды. Каждый матч, каждый ход, каждое решение — всё это было частью грандиозного зрелища, где ставки измерялись не только в призовых, но и в чести и славе! И сейчас два выдающихся игрока сошлись в финале! Но останется лишь один!

— Только он заберёт немислимый выигрыш и, кроме денег, получит возможность бесплатной аренды нижней киберзоны на пять лет, — продолжила выступление ведущая — изящная брюнетка в вечернем платье. — Это специальный приз от директоров Лиламера. Итак... — она протянула паузу. — Встречайте наших финалистов!

Шквал криков и возгласов заполнил зал. Зрители вскакивали с мест, стучали и свистели. Разогретая публика жаждала зрелища.

Мы вместе с Микки вышли на сцену, поклонились в каждую сторону зрительских мест и пожали друг другу руки.

— Друзья, — обратился ведущий к зрителям, — совсем скоро мы узнаем, кто станет победителем: дебютант Ник Четырёв или ветеран Микки Майнуски. Пожелайте хорошей игры каждому! И ещё: у вас осталось всего пять минут, чтобы сделать свои ставки. Пусть удача будет на вашей стороне!

Затем меня проводили в левое крыло геймзоны, где я сел в игровое кресло и надел шлем. Кресло закрыло меня спереди небольшим столиком, в который была встроена сенсорная панель. Мой противник находился в правом крыле геймзоны. От зрительской арены нас отделял прозрачный экран, чтобы болельщики могли наблюдать за нашими маленькими фигурками в креслах. Экраны арены тоже показывали каждого участника игры — уже вблизи и передавали картинку из его шлема.

Время замирает, перенося меня в настоящий момент.

Я рассматриваю своего персонажа: получеловек-полуробот. Киборг стоит у подножия похожей на гору башни. На нём чёрный, подчёркивающий атлетическое телосложение беговой костюм, на голове — тактический шлем, на поясе — два компактных автоматических пистолета. На груди костюм прозрачен, и через прозрачную плоть киборга видно,

как бьётся его сердце. Точнее, моё сердце! Кардиодатчик, ви-сящий на груди, передаёт его сокращения персонажу, и зри-тель видит, как я реагирую на бой. Несмотря на свою просто-ту, образ, созданный Микки, выглядит стильно и элегантно, а продуманный минимализм только подчёркивает элитность воина.

Тук-тук-тук. Мой статус показывает 100% — вот он, мо-мент рождения виртуального бойца. Я слышу в шлеме шум толпы и эмоциональные реплики ведущих. За десять секунд до старта игроков отключат от зрительской арены.

Звучит сигнал, и я бегу к башне, начинаю взбираться, за-ворачивая влево. Скоро появится противник. Через полми-нуты рельеф становится сложнее: скалы и деревья создают запутанный лабиринт с проходами, начинают попадаться ды-ры в земле идвигающиеся камни. Я бегу, перепрыгивая их.

Выстрел — и меня осыпает крошка от скалы. Ага, стреля-ли снизу. Благодаря апдактам удалось подняться выше про-тивника. Я уклоняюсь от очереди, забирающей по косой на-лево, и отвечаю встречным огнём. Затем прячусь за ближай-шей скалой и, не дожидаясь пока меня выпихнут, бегу вверх. В этот момент в меня попадают, и HP[3] уходит вниз на 10%. Тук-тук-тук.

Противник знает, что я быстр — он, сука, знаком с запи-сями моих матчей. Но он не знает, насколько я могу уско-риться и какую тактику применю. Сейчас он гонит меня на-верх, постепенно откусывая жизнь. Я вижу, что он тоже по-

немногу несёт потери. Я не останавливаюсь и не даю обойти себя.

Медленно и аккуратно я прячусь за скалой и пополняю патроны и жизнь. Это даёт ему время приблизиться. Когда скала округляет грань, ударяя меня своим каменным боком, она выталкивает меня на добрый метр от себя. Теперь мы хорошо видим друг друга и ведём огонь с близкого расстояния. Наши жизни стремительно уменьшаются. Я не даю ему подняться выше. Он прячется за толстым древесным стволом, а я опять бегу вверх.

— Где ты, Ник? — слышу я в шлеме. — Мальчик мой, нехорошо заставлять ветерана бегать за тобой.

Минуло две трети подъёма. Мне удалось оторваться и привести себя в порядок. У верхней площадки нет ни аптечки, ни патронов. Кто доберётся до неё с большим ресурсом, тот и победит. Надо хорошо отмутузить его перед вершиной. Пока он далеко, проверю некоторые трюки.

— Сделай рельеф игроком за тебя! — звучит голос в голове.

Я выбираю скалу неподалёку и стремительно заскакиваю за неё. Камень ловит отражение и моментально отбрасывает назад. Я повторяю прыжок за скалу снова и снова. Но нет, и после десятого раза она не позволяет мне остаться за ней.

Ни черта не выходит!

Я осматриваю скалы выше. Одну из них с левой стороны огибает хвост тумана. Рискнуть воспользоваться прикрыти-

ем или нет? Этот путь дольше. Если сейчас я просто добегу до площадки и знамени, то Микки может догнать по прямой, и наверху мы будем в равных позициях. Это если мой противник не придумает хитрый ход. Да и аптекчек с патронами он мог собрать больше, пока я просто бежал вверх. Враг, уверенный в своей победе, спокойно, размеренно идёт по моим стопам.

— Где ты, Микки? Ты уже устал сражаться? Я заждался тебя.

Я подбегаю к скалам в тумане и неожиданно попадаю под катящиеся камни. Уклоняясь, прыгаю в разные стороны, но всё равно теряю 5% HP! Отдышавшись, замечаю трассирующие очереди в груду камней наверху — Микки предугадал траекторию моего пути и вызвал камнепад. Но мелочью такое не обошлось: скалы, составляющие часть башни, рушатся и создают барьер между мной и вершиной.

Как я мог забыть, что эта часть сетки поля подвижна?! Сам же ломал голову, как изобразить этот участок!

Текстура камня и детали отвлекли меня от важной опции арены, а чёртов Микки использовал рельеф в свою пользу. Больше обходного пути наверх нет. Я оказался в ловушке: с одной стороны — обрушившаяся часть башни, с другой — Микки, который продолжает подниматься по прямому, предсказуемому маршруту. Времени у меня мало, и для прямого столкновения я подготовлен хуже. Вместо того чтобы искать обходной путь среди камней, я решаю подняться на

скалу и, перепрыгнув на следующую, продолжить задуманное. Прыжок удаётся, но жёсткое приземление грудью о скалу забрало 20% НР.

Тук-тук-тук. Что, так много?! Ребра я, что ли, поломал?

Выяснять некогда: я снова наравне с Микки, но он уже близко к вершине. Стараясь сохранить самообладание, делаю быстрый рывок и использую последние патроны, чтобы замедлить его. Атака столь стремительна, что он потерял 30%. Я продолжаю поливать его огнём, периодически заскакивая в туман.

— Что, не ожидал, ветеран? — Его НР тает и уходит в красное. У меня тоже, но медленнее. Патронов точно не хватает, чтобы добить окончательно. Я вижу на экране шлема, как растут баллы и уменьшается моя жизнь.

Тук-тук-тук.

Когда баллы переваливают за три сотни, в шлеме появляется сообщение, что на вершине башни у флага находится скрытый бонус power up — временное ускорение, которое может дать преимущество. Улыбнулось: всего одна нота в моём гимне победы! Что мне с ней делать?

Пришлось рискнуть — я бросился к бонусу вместо того, чтобы сразу бежать к флагу. Микки, видя это, делает то же самое. Он расстрелял боекомплект и сделал ставку на бег. Я опережаю противника и успеваю захватить бонус. Он, видя мои действия, перезаряжает оружие и восстанавливает на 25% НР. Бонус даёт мне временную суперскорость, но толь-

ко на 15 секунд. Успею ли я добежать до флага? Бонус активирован, и я выжимаю из персонажа всё, что могу.

Мои пальцы пляшут по консоли, я не дышу; вложив себя в этот последний рывок, я игнорирую атаку Микки. Теперь я трудная мишень для него, но мой НР всего 8%. Прыгая по скалам, я приближаюсь к флагу и в тот миг, когда последняя очередь Микки отнимает жизнь полностью, хватаю его.

Экран шлема погас.

Нас снова подключили к арене, и я услышал гудение замершего зала.

Стук сердца.

Кто победил?

Секунды казались вечностью, но следом в шлеме появилась надпись: «ВЫ ВЫИГРАЛИ». Затем уши разорвал рёв толпы, переходящий в аплодисменты, свист и стук. Чёрт, я всё же успел захватить флаг за доли секунды до того, как НР упал до нуля. Победа досталась с минимальным преимуществом.

— Есть! — сдёрнув шлем, я отбарабанил на консоли дробь и вскочил, вскинув руки вверх. Игра моя!

Всё остальное я помню, как в тумане. Мы с Микки вышли на сцену и пожали друг другу руки. Шум стадиона разрывал уши.

Ведущая о чём-то спрашивала нас. Происходящее казалось совершенно нереальным.

Каким-то чудом я уже стоял у подножия сцены, где Тим,

хищно распахнув объятия, сгрёб меня в железные тиски.

— Ну ты даёшь, чертяка! Микки-то втоптал! Думал, сольёшь под конец — ан нет, не смог он тебя зачистить!

Я был безмерно счастлив, впервые так остро ощущая нашу команду. Этот момент славы казался одновременно бесконечным и мимолётным, словно вспышка света, озарившая нас с Тимом.

И, как вспышка, триумф оказался недолгим...

Не думайте, что я везунчик, обманувший систему, — увы, нет! Судьба порой смеётся над нами. Не получив ни копейки из призовых, мы еле унесли ноги. Сейчас, спустя годы, я вспоминаю тот момент, когда не мог поверить в своё фиаско:

— Ник, Ник! — голос был знаком, но я не мог понять, откуда. С трудом подняв отяжелевшие веки, я прищурился. Чья-то размытая в свете ламп фигура нависала прямо надо мной.

— Ник, очнись! — меня начали хлестать по щекам. — Открой глаза, твою мать!

Я сделал усилие и, собрав зрение в фокус, различил долговязую фигуру Тима.

— А-а, это... ты, — слова словно уснули в горле и не желали выходить.

— Ну слава богу, очухался, — Тим вытер пот со лба. — Вставай!

Память возвращалась волнами — медленно, как прилив,

смывая пелену забвения и обнажая тело в его полной, беспощадной реальности. Сначала колени отозвались ноющей пульсацией, но быстро перешедшей в острую, жгучую боль, словно с них содрали кожу живьём, оставив сырые раны. Кровь стучала в висках, отдаваясь эхом в костях, а мышцы, ещё не ожившие, цепенели тяжёлым грузом.

Ещё я ощутил во рту похмельную сухость — язык распух и прилип к нёбу.

— Тим! Мы выиграли... Точно! — воспоминание отвлекло меня от тела, и я приподнялся на локтях. — Бли-и-н, чёртова башня!

— Бл... — Тим не разделял моего восторга. Тренер быстро огляделся и потянул за руку, пытаясь поставить меня на ноги. — Ник, соберись, нам надо уходить!

— Зачем уходить? Куда? Стой, а где мы вообще? — только сейчас я разглядел, что лежу в каком-то коридоре. Ясное дело, отпраздновал кубок я лихо. Видимо, уснул прямо в ресторане, а Тим тащил меня домой.

— Ник, нас раскусили! — Тим говорил жёстко и настойчиво. — Орги прознали, что мы заюзали читы и, если сейчас не уйдём, дальше будешь спать в камере!

Слова Тима помогли: дурман стал быстро покидать меня. Я понял, что моё состояние вызвано не алкоголем.

— А сколько я выпил?

— Бокал шампанского, дальше отпраздновать не успели. Тебя через час пригласили на экспертизу. В чём подозрева-

ют — не сообщили. Ты заартачился — в отказ, тогда тебя вырубili уколом и потащили по коридорам. Я подкупил се-
кьюрити, тебя бросили прямо здесь. Пока ты в себя прихо-
дил, я взял два билета до ближайшего космохаба.

— Что?.. Вот жопа... Нет, ты серьёзно?

По лицу Тима я понял, что схлопочу по роже.

— Тащили? Теперь понятно, что с коленями.

Тренер поднял меня на ноги и прислонил к стене.

— Идти сможешь? Начало посадки через полчаса.

Я кивнул, ещё не вполне осознавая услышанное.

Мы дошли до транспортного коридора, где на такси до-
брались в зону отправки дальних рейсов. Тим рассказал, что
поставил почти все оставшиеся деньги на мою победу. Он
успел получить выигрыш, благодаря которому подкупил се-
кьюрити и обеспечил нам несколько месяцев безбедной жиз-
ни.

Горечь несправедливости саднила в груди. Как же так!
Неужели всё кончено?! Апдакты помогли мне, но выиграть
мог бы и без них. Что теперь?

Прощай, Лиламер! Место моего восхождения к триум-
фу, место стремительного падения. Моя репутация превра-
тилась в пыль. Моя жизнь схлопнулась в черную дыру.

За две недели мы успели уйти достаточно далеко. Тим по-
стоянно менял маршруты, запутывая след. Вполне возмож-
но, что никто и не пытался нас преследовать. Но, как гово-
рится, бережёного... Разыскивать могли исключительно для

проведения следствия; прямыми доказательствами мошенничества организаторы соревнований не располагали, но мы не сомневались, что вскоре после бегства игру объявят читерской официально.

Через месяц проживания по закоулкам наши пути разошлись. Тим принял решение отправиться к Нифу и залечь на дно, а я твёрдо решил вернуться на Ганешмед. Несмотря на оптимизм Тима, я осознавал, что биг-гейминг для меня окончательно закрыт. Выслушав его ободряющую речь, я простился с тренером сдержано — в тот миг казалось, что нас уже ничто не связывает. «А будет ли он вообще тренировать?» — я провожал взглядом Тима, который медленно удалялся по холлу космопорта. Ранее моего друга постигла неудача с командой, а затем — со мной. Найдёт ли он новых учеников или вообще уйдёт из спорта?

По прибытии на планету я официально сменил фамилию на Читерев. С этого момента началась моя новая жизнь. Я пережил ещё один «габ», о котором подробно рассказал Нифу. Учёный передал мне код для удаления имплантов, однако я не торопился избавиться от нейроинтерфейса. Этот код я сохранил до настоящего времени. Затем я выбрал медицинский факультет и поступил в столичный университет. Медицина обещала устойчивую и предсказуемую карьеру. К тому же мне казалось, что хирургия РАС не так уж далека от киберигр, а в играх я имел преимущество. Апдакты обеспечивали мне мастерство, и куда ещё было податься? На про-

изводство — нет, слишком скучно. Оператором — всеми видами дронов уже давно управляет ИИ. Оставалась медицина. О том, что не потяну обучение материально, я тогда не думал.

— Какое направление вас интересует? — спросил меня менеджер по работе с абитуриентами. — Вы можете выбрать между робототехнической терапией и робот-ассистированной хирургией. Обе программы длятся четыре года, но у них разные карьерные перспективы. Терапия более востребована в реабилитационных центрах планеты, а хирургия — на передовой межпланетной медицины.

— В хирургию! — ответил я уверенно. — Что-то мне подсказывает, что это моё призвание. Но скажите, пожалуйста, возможно ли оплачивать обучение в рассрочку?

Если честно, рассрочка вряд ли смогла бы выручить на протяжении четырёх лет учёбы.

Менеджер кивнул, словно ожидал такого ответа, и провёл пальцем по сенсорной панели. На экране перед нами появился контракт с логотипом «Interstellar Medical Corp» — крупнейшей межпланетной корпорации, обеспечивающей медицинское обслуживание колоний и орбитальных станций.

— У нас есть выгодное предложение: компания готова покрыть до 70% стоимости обучения по программе «Робот-ассистированная хирургия», — он сделал паузу, изучая мою реакцию. — При условии, что после выпуска вы подпишете пятилетний контракт на работу в центрах ИМС.

Не раздумывая, я согласился. Моих собственных сбережений едва хватило бы на оплату первого года обучения. В сложившейся ситуации другого выхода попросту не оставалось. Я поставил подпись, осознавая, что сделал шаг, который изменит мою жизнь.

Я прописал себя в космосе на десять лет.

[1] Агодакты от греческого агон — игра и дактило — пальцы. Английский термин UP в игре означает переход на следующий уровень или увеличение способностей. Итого агодакты — игропальцы, апдакты — продвинутые (апнутые) пальцы.

[2] Дистальная радиационная нейропатия — поражение периферических нервов ионизирующим излучением в критических случаях вызывающая полную утрату функции нерва.

[3] HP (health points — пункты, или очки здоровья) — это показатель, определяющий количество урона, наносимого противнику. При максимальном уроне HP снижается до 0, что означает гибель противника.

Часть 1. Доктор. Глава 4

За пару месяцев я обжился в Гранд Эклезоне и был готов пустить здесь корни.

Утро начиналось с пробежки по зелёным, тенистым улицам и прекрасного завтрака со свежими фруктами. До клиники, пользуясь стабильно хорошей погодой, я добирался пешком. Профессор поручил мне две палаты, расположенные в северном крыле здания, кроме этого появились обязанности ведущего хирурга. Зарплата шла трижды за месяц: клиника находилась на полном обеспечении столичного казначейства, что обеспечивало стабильный доход и уверенность в правильном выборе.

По пятницам, окончив рабочий день, я повадился посещать небольшой уютный паб, всего в двух кварталах от клиники, ближе к морскому берегу. Это было тихое заведение, где пиво отличалось отменным вкусом. Здесь собиралась самая разнообразная публика: студенты, служащие, какие-то артисты. Порой заходили и более уважаемые господа. Сторонников строгого вероисповедания я не встречал. А когда прошерстил новостной архив столицы за последние семь лет, то не обнаружил ни одного случая преследования носителей нейроинтерфейсов. Чутьё подсказывало мне, что здесь безопасно. Несколько столиков возле входа традиционно занимали фермеры, однако сегодня вечером их не бы-

ло.

Молодёжные компании стали узнавать меня, но друзьями я так и не обзавёлся. Чаще всего вечер заканчивался одинаково: я развлекал собравшихся, выполняя забавные поручения хозяйки бара, выпивал проставленное пиво и одиноко брел домой. И похоже нынешний визит не сулил ничего нового.

— Привет, Катя, — сказал я, подходя к девушке за стойкой.

— Здравствуй, Ник! Ты сегодня в игре? Я приготовила для тебя нечто особенное. — улыбнулась Катерина. Она была хозяйкой заведения и уже включила меня в программу вечера.

— Конечно.

— Тогда много не пей, — она поставила передо мной одну кружку «фирменного».

Бар постепенно наполнялся шумом — гулом голосов, звоном бокалов, сдержанным смехом. Катя, наблюдая за происходящим из-за стойки, выждала момент, когда публика достаточно разогреется. Затем схватила поварешку и трижды постучала по старой жестяной кастрюле, висевшей за барной стойкой для подобных случаев.

— Внимание на сцену! — провозгласила она с театральной интонацией, и шум сразу стих. — Сегодня с нами снова Ник, тот самый, чьи пальцы творят чудеса. Подходите ближе, не стесняйтесь! Заведение дарит каждому зрителю по круж-

ке — смотрите наше шоу!

Она перевела взгляд на меня.

— А у меня для Ника особое задание. Ставки принимаются, господа! Кто угадает, справится он или нет?

Бар взорвался одобрительными возгласами.

Плотная повязка легла на глаза, отрезав мир зрительных образов. Внезапная темнота обострила другие чувства: я ощутил лёгкий сквозняк от окна, услышал сдержанный смешок где-то справа и почувствовал, как Катя бережно вкладывает мне в руки книгу.

— Внимание, вопрос для всех! — её голос прозвучал театрально-торжествующе. — Как быстро наш виртуоз сможет прочесть эту книгу, напечатанную шрифтом Брайля?

Я полистал книгу наощупь. Страницы под пальцами казались жесткими, рельефные точки слегка покалывали подушечки.

— Десять минут! — раздался чей-то неуверенный голос из толпы.

— Да ладно, пять максимум! — парировал другой.

— Три минуты! — выкрикнул кто-то ближе к стойке, и в голосе слышался явный вызов.

«Три минуты?» — я сжал книгу, оценивая количество страниц. — «Да здесь дофига читать... Это жуть!..». В воображении мелькнула самодовольная улыбка Кати: «Шоу получится на славу».

Вот же тролли!

— Итак, — Катя звонко хлопнула в ладоши, — кто считает, что за три минуты прочесть эту книгу невозможно, — становись справа! А кто верит в Ника — налево! С проигравших — по две кружки победителям!

Бар взорвался оживлённым гулом. Азартно споря, смеясь, шурша одеждой и двигая стулья, зрители занимали места. Я слышал, как звуки перемещаются с одной стороны зала на другую. Затем шум притих — вероятно, публика разделилась.

Мои пальцы скользили по выпуклым точкам шрифта с такой скоростью, что со стороны это, наверное, выглядело будто я стряхиваю невидимые крошки с каждой строки. Сорок с лишним страниц пронеслись под подушечками пальцев за полторы минуты — я даже услышал, как кто-то замер у меня за спиной, затаив дыхание.

Когда повязку сняли, я пересказал прочитанное, стараясь не упустить ни одной детали. В баре сохранялась тишина — редкое явление для этого места.

— Всё верно! — Катя торжествующе распахнула печатную версию книги и, перевернув, продемонстрировала страницы. В её голосе звучало восхищение, смешанное с удовольствием от удавшегося представления.

Я допивал последнюю кружку, когда напротив скользнула тень. Подняв глаза, я увидел тонкую фигуру: вечные джинсы, лёгкая белая блузка и симпатичное личико с едва уловимым оттенком усталости. Светлые волосы, распущенные по пле-

чам, обрамляли высокий лоб, где два непослушных локона, словно специально, выбивались из общей массы, придавая образу что-то вызывающее.

Девушка под села за мой стол и слегка задрала нос, будто собираясь надерзить. Ранее я заметил, что она держалась в стороне от остальных, выбрав пустующий столик фермеров.

— Поразительная чувствительность пальцев. А ещё что вы умеете, кроме как потешать толпу? — спросила она.

— Хотите, расскажу вам про ваше здоровье?

— Каким образом вы это узнаете? — её серо-зелёные глаза сузились с недоверием. — Взломаете мою медкарту?

— Всё проще...

— Прочтёте меня как книгу? — добавила она с насмешкой.

— Уже теплее... Вы почти угадали. Разрешите посмотреть ваш пульс? — я потянулся к её руке.

Приняв вызов, она хмыкнула и неспешно закатала рукав, продолжая изучать меня взглядом. Затем, слегка прищурившись, она положила руку передо мной.

— Пожалуйста, вторую руку тоже!

Уже с интересом она оголила второе запястье и подвинула обе руки ближе ко мне. Мои пальцы легли на гладкую кожу легко, почти невесомо. Я почувствовал ровный, спокойный пульс — ни тени волнения, хотя минуту назад в её глазах читалось явное недоверие. Я надавил чуть сильнее, вникая в толчки энергии.

Руки её были безупречны — удлинённые пальцы с короткими аккуратными, но не нарочито ухоженными ногтями, ни единой царапины или мозоли. Запястья тонкие, изящные, с едва заметными голубыми прожилками под прозрачной кожей.

«Журналистка или босс в непыльном месте», — промелькнуло у меня в голове. Слишком уж всё в ней говорило о человеке, привыкшем работать самостоятельно и точно головой, а не руками. Но не обычный офисный работник — в её осанке, в том, как она держала кисти, чувствовалась какая-то особая, врожденная уверенность. Я на мгновение задержал взгляд на левой руке — ни кольца, ни следа от него. Впрочем, ныне это не значило ничего.

Несколько секунд я изучал пульс, затем убрал пальцы и выдержал паузу. Девушка слегка нахмурилась, вглядываясь в меня.

— Слабость лёгких и селезёнки, — заключил я. — Много думаете, работаете сидя, редко бываете на свежем воздухе, вероятно, устаёте.

— Да, последние полмесяца всё именно так. Вы врач-ки-таист? — она придвинулась ближе, ожидая продолжения.

— Нет, я хирург РАС. Но пульсовой диагностикой пользуюсь давно.

— Теперь это так необычно, — она покачала головой. — И что вы можете посоветовать?

— Пейте чай из дикого женишеня, его несложно достать

в столице. Могу порекомендовать надёжного поставщика.

— Я знаю, сочетаю его с грибом линчжи и кордицепсом. Комплекс «Сань Линь Дань». А вам известно, что курс этого лекарства улучшает результаты трансплантации стволовой стромы?

— Что?! — я вытаращился на собеседницу. — Кто вы?

— Сэл, меня зовут Сэл, — сказала она сквозь смех. — Я тоже хирург РАС!

Она на мгновение задержала взгляд на моём лице, явно наслаждаясь произведённым эффектом, затем медленно, с театральной паузой, добавила: «Сара де Лар — хирург и адепт конфуцианства». Её голос приобрёл официальные нотки, через которые пробивалась игривая интонация.

— Сара... де Лар?! Э-э... Та самая?

— Ага! Вы же просили представиться!

Я на мгновение замер, слегка смутившись, — оказалось, что передо мной старшая дочь самого губернатора.

— Ник Читерев, — поспешно отозвался я, смущаясь, что мои слова звучат куда менее весомо на её фоне. — Значит, Анна — ваша младшая сестра?! — внезапно осенило меня. — Мы познакомились в порту по прибытии.

— А, так это вы тот самый попутчик! — теперь взгляд Сэл казался более тёплым, лишённым язвительной иронии. — Она весьма эмоционально поведала нам эту историю. Спасибо вам, Ник, за помощь! Разрешите угостить вас пивом?

Катерина принесла по бокалу, понимающе взглянув в мою

сторону. Мы погрузились в обсуждение работы и обнаружили приятное совпадение — оба оказались сотрудниками «Ростка жизни». Сара трудилась в клинике три-четыре раза в неделю, а в свободное время помогала отцу.

— Странно, что мы ни разу не пересеклись, — заметил я.

— Двухмесячная командировка, — пояснила она, разводя руками. — Иначе бы наверняка встретились раньше.

Я не удержался от следующей фразы, хотя сразу понял, что ляпнул зря:

— Я впечатлён... Вы из обеспеченной семьи, из элиты общества, у вас должно быть полно других дел — и работаете врачом.

Её брови чуть приподнялись, но не в обиде — скорее, в лёгком удивлении.

— И что? — она с вызовом откинула прядь волос. — Если у людей есть достаток, так они теряют всякий интерес к работе? Вы думаете так?

Я уже хотел что-то сказать в своё оправдание, но Сара продолжила, слегка жестикулируя:

— Моя семья не праздные аристократы! Родители заняты колонией, и мы с сестрой им помогаем. А я вот ещё и пациентов лечу!

«Вот же дурак! Умудрился так облажаться!» — я же совсем не имел опыта с людьми не моего круга.

Сара, однако, не стала заострять внимание на моей оплошности и легко перевела разговор, рассказывая о рабо-

те в клинике. Я оценил, насколько она приятный собеседник. Её руки иногда взмывали вверх, подчёркивая какую-то мысль, она смеялась, игнорируя условности, соответствующие высокому статусу.

— Ник, было здорово, — начала собираться Сэл. — Но мне пора идти.

Мы не заметили, как проболтали пару часов.

— И мне тоже пора, — я поднялся вслед за девушкой, не желая упустить собеседницу. Сэл улыбнулась. Мы покинули паб и вышли на набережную.

— Хирургия, вообще-то, у меня второе образование. По первому я дизайнер визуализации. Разрабатываю симуляционные программы для медицины. Но всегда мечтала лечить. Во время всех курсов моего первого образования я зависала на медицинских сайтах. В итоге, — вздохнула она, — ещё четыре года учёбы на врача.

— Где вы учились?

— Здесь, в университете... — Сэл рассказала, как, отработав год в столице, следом стажировалась в крупном медицинском центре на орбите. — А после пришла в клинику Добровеева, — закончила она.

Слушая мой рассказ, Сэл пунктуально уточняла каждую подробность: о моих учителях хирургии и первых операциях. Её вопросы не спеша и не навязчиво, прощупывали суть: «Как вы достигли такого мастерства пальцев?»

Я отвечал кратко, избегая и деталей, и общих слов, стара-

ясь, чтобы объяснение не выглядело глупо. И, не желая выдумывать, с облегчением выдохнул, когда она наконец смилила тему.

Отвлекая от беседы, набережная постепенно наполнялась людьми. Они двигались в сторону окраины небольшими группами, объединяясь в единый поток. Лёгкие рабочие комбинезоны, выцветшие от частых стирок, сливались в однородную массу, над которой виднелись яркие пятна виртуальных транспарантов.

Морской бриз, ещё недавно свежий и солёный, теперь нёс в себе тяжёлый шлейф толпы — пот, гарь фальшфейеров, сладковатый дым вейпов. Но больше всего в нос било запахом перезрелых фруктов, исходивший от некоторых демонстрантов — видимо, специальный «ароматический» протест. Над каждой группой плыли проекционные транспаранты, высвечиваемые портативными гаджетами. Лозунги гласили:

«Отмените грабительские пошлины!»

«Долой трипланетный картель!»

«Наш труд — не сырьё для метрополий!»

«Нет демпингу!»

Среди толпы мелькали странные маски — одни в виде сочных манго с прорезями для глаз, другие, мрачнее, в форме человеческих черепов. На сияющих транспарантах красовались вызывающие надписи:

«Жрите наши жизни вместе с фруктами!»

— Это что? — невольно вырвалось у меня. Мы чуть посторонились, пропуская людской поток.

— Забастовка рабочих «Фруктового рая», — ответила Сэл. — Да к ним еще и фермеры присоединились! Похоже, идут с центральной площади.

Толпа сгущалась, прижимая нас к домам.

— Чёрт, меня могут узнать, — она потянула меня за рукав, и мы свернули в ближайший переулок. — Рабочие требуют от хозяев компаний повлиять на экономическую политику сообщества. Функционеры Эклезона, Тизфора и Эвиантрии подняли экспортные пошлины на фрукты. Теперь они дороже на внешних рынках, экспорт снизился, пошло сокращение... Её слова потонули в нарастающем гуле.

— А там, где рабочих оставили, зарплаты рухнули ниже некуда.

Демонстранты начали скандировать что-то ритмичное, перемежая крики свистом и глухими ударами по металлическим ограждениям. Мимо нас, подбрасываемое десятками рук, проплыло чучело в деловом костюме — на груди у него красовалась эмблема объединения трёх планет.

— «Гомерис, иди на хер!» — скандировала и свистела толпа.

— Отец пытается решить эту проблему, — Сэл истолковала моё молчание как вопрос. — Но его власть ограничена основной колонией. Межпланетные договоры — не его компетенция.

— Я не знал про забастовки на Эклезоне, — признался я.
— На станции транслировали только причесанные новости.
— Конечно... Многое становится видимым только на месте.

— Теперь понятно, почему в паб не пришли фермеры, — кивнул я. — Они все тут, со своими.

Мы вышли на широкую улицу, ведущую к клинике. Шум с набережной остался позади, словно кто-то приглушил звук.

— Мне пора, — сказала спутница, достав из сумочки смартбит и вызывая транспорт. — Увидимся в понедельник.

— До встречи. Рад был знакомству. — слова прозвучали сухо и не передали возникшей в сердце грусти.

— Почту за честь работать с вами, доктор Читерев, — она энергично потрясла мою руку. — В операционной вы, наверное, творите настоящие чудеса.

Я внутренне напрягся, пытаясь уловить в словах намёк на иронию. Но её электролфт уже спустился сверху, и Сэл, забравшись внутрь, махнула мне на прощание.

Часть 1. Доктор. Глава 5

— За месяц у нас ухудшились результаты, — начал конференцию профессор. — У восьми процентов пациентов трансплантаты стромы не прижились, ещё у семнадцати стволовые клетки не вступили в дифференциацию. Повторные операции увеличивают риск — больше рубцовой ткани, меньше шансов на успех при следующей попытке.

— Итак, прошу проявить ответственность. — Франц Иосифович медленно обвёл взглядом зал, задерживаясь на лицах. — Нам необходимо понять, как улучшить результат.

Сидящая рядом Сэл коснулась моей руки.

Моя знакомая в клинике выглядела иначе, чем в обычной жизни. Она носила простой медицинский костюм, выгодно подчёркивающий её фигуру. Волосы, обычно свободно ниспадающие на спину, теперь были собраны в строгий узел на затылке, открывая тонкую линию шеи и придавая облику деловитую чёткость.

Доктор Де Лар появлялась в клинике раньше меня. К моменту моего прихода она уже успевала обойти пациентов, проверить назначения и «выписать по первое число» нерадивым стажёрам. Обычно мы встречались в аудитории во время утренних докладов, где занимали места рядом, на галёрке.

Слова Добровеева не были для нас новостью. У многих

врачей итог лечения оказался неуспешным. Метод был передовым и, подобно айсбергу, имел массу скрытых причин для неудач. Без дифференциации клеток нет восстановления тканей, нет прогресса — только пустая трата времени, ресурсов и, главное, терпения тех, кто уже прошёл через сложнейшие операции.

— Я жду инициатив, — продолжил профессор. — Вы знаете, если результаты станут ещё хуже, наше финансирование уменьшится. Прошу каждого врача выполнить аналитику своей группы и внести предложения.

Сэл приглушённо фыркнула и наклонилась ко мне, прикрыв рот ладонью:

— Опять «аналитика». Как будто мы до сих пор её не предоставляли. И что мы можем предложить?

Я кивнул, машинально вращая стилус между пальцами. Уже несколько недель мы с Сэл обсуждали возможные причины неудач — от индивидуальных особенностей пациентов до мельчайших отклонений в процессе подготовки клеток. И оба сошлись во мнении: подход к трансплантации нужно менять. Но всякий раз, когда мы пытались найти решение, оказывались в тупике.

Мысли о необходимости изменений преследовали меня повсюду. Коллеги собирались в ординаторской до начала рабочего дня и обменивались новостями и планами. И неизбежно, среди обсуждений пациентов и графиков дежурств, разговор вновь сворачивал на насущную проблему.

— Капризна эта печень — царица эмоций, — ворчал доктор Гринелли. — Первые месяцы очень обнадёживали, не хуже, чем с почками: почти девяносто процентов успеха. Считали, уже в дамках, и вот тебе на... Что думаешь, Ник?

Я пожал плечами — вопрос Гринелли повторялся не раз и обрёл риторическое звучание. Будь у кого-то из нас что сказать, мы бы непременно поделились с коллегами.

— Говорят, звёзды шоу-бизнеса собираются выступить в поддержку протестующих, — сменил тему Гринелли. — Сэл, это так?

Наш коллектив узнавал от Сары Де Лар различные новости. Её осведомлённость порой поражала: некоторые детали могли быть известны только в губернаторском доме. Впрочем, она умела держать язык за зубами — конфиденциальное оставалось конфиденциальным, а лишнее не вырывалось наружу даже в самой непринуждённой беседе. В спорах с коллегами она проявляла дипломатичность и уместную иронию, даже когда совершенно не соглашалась. Я также заметил, что она придерживается полезного в любом коллективе принципа «не стучать».

— Да, идёт согласование площадки, — подтвердила Сэл. — Вообще-то богема разделилась, и многие не поддерживают. Но несколько десятков равнодушных подали заявки на участие. Среди них музыканты, артисты, спортсмены. Я пока списка не видела.

— Это может раскачать ситуацию, — вздохнул Гринелли.

— Не опасаетесь вообще?

— Ситуация под контролем, — сухо ответила Сэл, выходя из ординаторской.

После операций я нашёл Сэл в палате за осмотром пациента.

Я уже не раз видел, как она снимала со своей шеи старый фонендоскоп — потёртый, с потемневшей от времени трубкой. Привычным движением вставляла оливы в уши, а холодную металлическую диафрагму прижимала к обнажённой груди пациента. В эти моменты её брови слегка сдвигались, а взгляд становился расфокусированным — будто она вслушивалась не только в шумы тела, а в скрипучий голос самой болезни.

На мой взгляд, эта архаичная диагностика давно утратила смысл. Карманные сканеры выдавали трёхмерные модели органов, нейросети за секунды анализировали биохимию, а тут — кусок резины и металла, изобретённый ещё в XIX веке. Любой студент знал, что точность таких методов смехотворна. Я замечал, как пациенты, едва ощутив прикосновение холодного диска, начинали дышать чаще или, напротив, замирали по её команде.

Зачем она это делала? Сказала, что «прокачивает интуицию». Впрочем, странностей хватает у всех — даже у меня с диагностикой по пульсу.

В остальном Сэл одной из первых осваивала любые нова-

торские подходы. Мне импонировало, что в свободные минуты она нередко просила подключение к моему хирургическому шлему, чтобы наблюдать за ходом операции в реальном времени.

— Знаешь, Ник, — начала она вкрадчиво, когда в конце рабочего дня я пригласил её на кофе в свой кабинет, — я на прошлой неделе просматривала каталог программ твоего робота. Нужно было уточнить версию учебки, убедиться, что всё настроено корректно. Прости, не удержалась и посмотрела записи твоих операций с камеры робота. Это впечатляюще, а ты скрываешь, — она поставила пустую чашку на столик.

— К чему ты клонишь? — не понял я. — Что скрываю?

— Один ты работаешь гораздо быстрее. Когда никто не видит. А когда подключаешь к шлему кого-то, сразу замедляешься.

Я объяснил, что не желаю смущать коллег своей скоростью. Но вопросы Сэл только начались:

— Эта неестественная быстрота... и чувствительность пальцев. Откуда? Если ты тренировался с помощью специальной программы, пожалуйста, поделись!

Тема, сидящая занозой в её уме, вновь дала о себе знать. Зная Сару, я не сомневался, что так и произойдёт — это было лишь вопросом времени.

Я поднялся с кресла, прошёлся по кабинету и, мимоходом

глянув в окно, развернулся к девушке.

— Сэл, — ответил я, уже понимая, что попался, — так как врать ей был неспособен. — Никакой программы нет.

— Тогда откуда у тебя такое мастерство?

— Ладно, — сдался я. — Ты меня почти раскусила. — Я подошёл ближе и сдвинул брови. — Больше нет смысла скрывать — я вампир!

Честно говоря, бывали случаи, когда девушки пугались: в момент близости я ошеломлял их пальцами, а потом отпускал такие шутки.

Я вглядывался в лицо Сэл, ожидая что она приколется в ответ. Но она невозмутимо пропустила шутку мимо ушей, и я замер от её неожиданного ответа.

— У тебя установлены апдакты, — Сэл сама ответила на свой вопрос.

Я удивился: это слово ушло вместе с эпохой игр. Я не слышал его уже несколько лет, а информация в сети считалась удалённой.

— Апдакты? Что это?

— Продвинутые с помощью нейроинтерфейса пальцы. Позволяют обладать невероятной скоростью и мастерством. Не притворяйся, будто не в курсе.

— Очень интересно. А откуда ты узнала про апдакты? Что это такое?..

— Я дочь губернатора, — сказала Сэл, слегка наклонив голову и улыбаясь. — У нас в доме бывают самые разные го-

сти. Однажды мы обсуждали такое социальное явление, как киберспорт и игры. Ты из поколения, когда ещё была игромания и турниры.

— И как ты себе это представляешь? — спросил я, взяв её ладонь в свою, чтобы напомнить, что мои пальцы вовсе не протезы. — Разве они похожи на апдакты?

Словно электрический ток пробил меня. Так было всегда, когда я касался Сэл.

Она мягко освободила руку и провела пальцем по моей кисти.

— Не знаю, Ник, жду рассказа. Мне кажется, ты в теме игр. Кстати, я хорошо чувствую, когда люди что-то скрывают.

Вопрос застал врасплох. Мысли завертелись чехардой сомнений и опасений. Не представляя как выпутаться, я колебался и понимал, что долгое молчание лишь усилит подозрения.

— Да не сдам я тебя!

Зная Сэл, я не сомневался, что так и будет. Долгие годы я хранил свою тайну, оберегая её от посторонних, не раскрываясь ни друзьям, ни близким подругам. Признаюсь — а потом? Оно мне надо?

— Никаких апдактов у меня нет. — твердо сказал я, избегая смотреть в глаза.

— Ну как знаешь, конспиратор. — улыбнулась она, хлопнув мне по плечу.

Два многоруких робота ожидали указаний у лежащего на боку пациента. Я работал инструментами того, что справа — выделял рубцовую ткань из паренхимы почек. Освобождение кровотока в сморщенном органе было необходимо перед пересадкой стромы и я создавал площадки для протонейфонов. Апдакты работали почти в автоматическом режиме, повторяя паттерны «отскок — удар — прыжок». Операция была нудной до невозможности, но, набрав несколько десятков шаблонных действий, я собирался передать их РАС.

Неожиданно пальцы перестали мне служить.

Нет, их не парализовало — я мог выполнять все необходимые для операции движения, но в повторяющихся паттернах теперь участвовали мышцы предплечья, что значительно снижало скорость и точность. Я стал обычным, хотя и искусным хирургом.

Сэл подключилась к моему шлему, минуя запрос и разрешение. Я даже не сразу обратил на это внимание.

— Что, доктор Читерев, — в голосе слышалась насмешка, — уже не все фокусы по зубам? Но не грустите — вы по-прежнему великолепны!

— Это сделала ты?!

— Да!

Я остановился и замолчал. Как?!

— Продолжать то будете? Мальчики без вас не смогут.

Ругнувшись про себя, я продолжил выделять рубец. Рабо-

та пошла еще медленней, теперь еще и мысли мешали.

Как ей удалось стопануть нейрофейс?.. и подключиться ко мне?..

Сэл наблюдала за моими действиями пару минут, затем вздохнула:

— Пора вернуть всё на место. Ник, в шлеме на третьей вкладке меню включён шумодав. Отключи его.

— Сейчас, — я остановил движения и нашёл нужную команду. — А что он делает?

— Блокирует электромагнитные помехи, если на операцию влияет импульсный источник — пульсар, магнетар или завод поблизости. А у тебя, — в голосе слышалась интонация победителя, — сигналы от нейроимпланта к пальцам.

Шах и мат.

— Не знал, что ввели такую опцию.

— Пара новых шлемов пришла на прошлой неделе, и, конечно, ведущий хирург должен иметь один.

Вот зараза!

Я подвигал пальцами на консоли и увидел, что паттерны восстановились.

— Ага, работает. В общем, если захочешь поговорить, заходи. — Сэл сказала это с наигранным безразличием. — Буду у себя допоздна.

Кабинет Сары де Лар отличался от прочих. Площадь — те же двадцать квадратов, но Сэл меблировала его сама, зака-

зав то, что считала нужным. В итоге интерьер выглядел комфортно, без минимализма — как у меня — и без плотной заставки, что была у большинства врачей.

Для соблюдения конфиденциальности при разговоре с семьей Сэл позаботилась о безопасности в смысле защиты от прослушки, но я все же уговорил ее перейти ко мне.

Я рассказал о Тиме, о Нифе, о той самой скрытой технологии, которую мы использовали. Поделился всеми деталями нашего триумфа: как мы выиграли тот заветный кубок лиги, как были раскрыты и бежали.

Сэл молча выслушала мою историю — погрузилась в рассказ всем своим воображением. Сидя напротив, она оперлась локтем о стол и запустила пальцы себе в волосы. Пальцы другой руки слегка постукивали по столу — не нервно, а так, будто она прокручивала всё в голове, примеряла на себя каждый мой шаг.

— Не поняла, как тебя раскрыли?

— Тут всё просто. Поначалу я думал, что засветился уже после победы. Тогда я расчувствовался и пробарабанил пальцами по игровой консоли. Но оказалось, в азарте я потерял контроль над апдактами в самом конце игры. Бонус скорости дал мне преимущество на пятнадцать секунд, а я продолжал играть с этой скоростью почти шестнадцать — на ноль восемь секунды дольше. Именно поэтому успел схватить флаг до того, как меня вынесли. Судьи сперва решили, что это баг игры. Затем тщательно изучили данные, сверили

программу и запись сигналов с консоли, обратились к организаторам с предложением провести расследование. Ещё и гений какой-то — гуру по дознанию — на финал прибыл. К счастью, небольшой выигрыш со ставки мы с агентом успели получить и пустились в бег.

— Значит, вы скрылись, так и не получив призовые?

— Ага!

Сэл медленно выдохнула, откинулась на спинку стула и на секунду прикрыла глаза.

— Чёрт, — наконец произнесла она, и в её голосе было столько оттенков — восхищение, ужас, досада, восторг.

— И? — я не мог понять, осуждает она меня или нет.

— Вы пошли за кубком с этим шпионским нейроинтерфейсом?!

— Да, а что?

— Вы же полные психи!

Она рассмеялась — неожиданно, звонко, будто сорвавшись с цепи, а следом засмеялся и я.

— Не протестировав девайс, не проверив систему на ошибку, не рассмотрев все варианты возможных сбоев... слепо доверившись Нифу. Я, конечно, понимаю: у вас был цейтнот, — слегка успокоившись, она спросила: — Ник, ты не думал, что мог бы выиграть и без апдактов? Не этот турнир, так следующий?

— Думал. Да что теперь... Фарш невозможно повернуть назад.

— Может, киберспорт и потерял крутого игрока, — подытожила Сэл, — но медицина получила классного хирурга.

Она улыбнулась.

— Есть у меня одна идея...

Признаюсь: следующую ночь я спал плохо, вздрагивая и просыпаясь от малейшего шума за окном. Инстинкт самосохранения измучил меня, совершенно не считаясь с рациональными доводами: я ожидал, что полиция вот-вот ворвётся в дом.

О апдактах Сэл вспомнила через два дня, когда мы сидели в баре у Катерины.

— Слушай, я тут всё думала о принципах подсадки. Мы их даже не обсуждаем, хотя пытаемся найти ответ.

— Что тут обсуждать, — заметил я. — Трансплантация стромы происходит по классическим постулатам, описанным...

— На заре метода! — воскликнула Сэл. — Ещё для матричных клеток, что прямо из принтера в орган! Они уже зрелые, поэтому не так чувствительны к нюансам, как стволовые.

— Так! Ты о каких нюансах сейчас?

— Да о подсадке же! Мы устанавливаем трансплантат между двумя концевыми веточками артерий. Делали и делаем так всегда, словно это аксиома.

— Конечно, всегда, — я пожал плечами. — Сэл, ты о чём?

Да это же очевидно: там зона смешанного кровообращения от двух сосудов, и питание стволовых клеток лучше.

— А если один сосуд приносит мало крови? — Сэл развела руками. — То мы, наоборот, подсаживаем их в плохую зону. Так?

Я открыл рот возразить, но понял, что «сел в лужу». Догадка коллеги была настолько простой, что казалась невероятной.

— Возможно, ты права, — согласился я. — Только как это проверить? Ты что предлагаешь?

— Давай начнём устанавливать к той артерии, которая лучше питает.

Я задумался: является ли эта идея лишь прозрением Сэла или где-то уже существуют исследования проблемы.

— Только вот сканеры нам, скорее всего, не помогут, — продолжила она. — Инструмент рядом с концевой артерией даёт тень, и пульсацию определить очень сложно. Это недостаток навигационной системы. Необходим контроль с камеры всех этапов. Мы должны увидеть пульсацию сосуда.

— Сэл, а как мы это выясним на операции? Откроем кровоток?

— Да! Сдуем баллон, которым перекрываем сегментарную артерию.

Я выдохнул, едва сдерживая сарказм перед этой нелепостью.

— Подожди! Ты предлагаешь лишиться идеальных усло-

вий? Инструменты и камера будут работать не в «сухой» зоне.

— Да, артерии начнут опять пульсировать, вены набухать и сдуваться. Может произойти кровотечение — скорее всего, даже произойдёт! Но с твоей скоростью и аккуратностью ты проскочишь. Я уверена!

Я лишь покачал головой, хотя уже понял: попробовать всё же стоит. А если Сэл нашла решение, и мы сможем улучшить результаты? К тому же в её предложении звучал вызов, и игрок во мне легко пересилил консерватора. Кровотечения не могли серьёзно навредить пациенту, только несколько затруднить сам процесс пересадки.

Франц Иосифович принял предположение благосклонно, однако к практической реализации отнесся скептически, и лишь моя уверенность смогла поколебать его авторитетное мнение. Получив благословение профессора, мы стали готовиться к операции.

Первым пациентом стал мужчина пожилого возраста с диагнозом цирроза печени в терминальной стадии. Он так и оставался инвалидом, несмотря на две проведённые попытки стволовой трансплантации. Пересаженные клетки не прижились, и компенсаторные механизмы организма были почти исчерпаны. Привыкший к искусственной печени, он не желал никаких новых вмешательств. Доктор Де Лар потратила немало сил и времени, прежде чем он согласился на третью операцию.

Сэл создала симуляционную программу, и ежедневно мы тренировались по несколько часов, оттачивая самый сложный этап.

— Кажется, теперь мы готовы, а? — спросила Сэл. — Как ты считаешь?

— Должны справиться, — решил я.

Не желая проколоться на мелочах, мы осуществляли двойной контроль с самого начала операции. Каждый из нас шаг за шагом начал самостоятельную проверку действий роботов: погружение пациента в наркоз, навигацию, установку эндоскопических инструментов.

Меня слегка потряхивало от «стартового» адреналина, да и в голосе внешне спокойной Сэл порой звучали нотки волнения.

— Я вспомнила, — её глаза блеснули, а лицо разрумянилось. — В четырнадцать лет я модифицировала свой гироскутер — перепрограммировала систему стабилизации так, чтобы он реагировал не на наклон тела, а... на направление взгляда.

Я отвлёкся от голографической карты печени.

— Каким образом?

— Используя очки дополненной реальности. Датчики в них считывали движение глаз. Тогда я решила, что «управлять» транспортом одними глазами — это круто! Первые два дня постоянно во что-то врезалась — вестибулярный аппа-

рат не успевал адаптироваться.

— Не сомневаюсь, что ты продолжила.

— Естественно! Через месяц я могла вполне сносно кататься. Я никому из друзей не сказала, тренировалась вечером, ближе к закату. А когда мы компанией собрались на покатушки, солнце было высоко. И выяснилось, что мои очки не могут затемняться так быстро, как требовалось. Я часто щурилась, в итоге потеряла управление и расшиблась. Врезалась в цветочную лавку! Представляешь: растянулась среди горшков и букетов. Ничего страшного, только половину недели лежала дома с сотрясением. Призналась, почему упала. Кстати, родители отнеслись спокойно к странной причуде и не ругали, а вот многие друзья не поняли: мол, зачем изобретать что-то новое, если старое просто офигенно работает. Вот, я и думаю, нашу попытку осудят просто потому, что она вразрез с канонами?

— Так было бы всё хорошо, не пытались бы. А пока не попробуем, не узнаем.

Сэл кивнула. Она надела шлем и заняла своё место в операторской. Когда тонкие манипуляторы с ювелирной точностью проникли в нужные зоны органа, пришло время для нас.

Я подключился к управлению основным модулем, а напарнице доверил контроль робота-ассистента, зная, что она справится с синхронизацией действий и мониторингом показателей пациента.

Перед глазами в шлеме возникло увеличенное 3D-изображение, которое автоматически подстроилось под меня, и структура печени стала видна так чётко, будто я смотрел внутрь органа через мощный микроскоп.

Уже с первых своих операций я понял, что ориентироваться и работать внутри плотных органов неизмеримо хуже, чем в полых. Нет ни пространства для манёвра, ни явных ориентиров, поэтому навигация идёт по формируемой 3D-модели. В процессе я могу видеть только информацию со сканеров — мне подсказывают направление движения и зоны для пересадки. Вот и сейчас я видел в шлеме розовый туман, при движении сквозь него появлялись и исчезали различные сосуды и перегородки. Кровеносные сосуды на модели подсвечивались красным и синим цветом, словно игроки двух команд на карте киберарены.

Кончик инструмента светился, словно нос маленькой лодки. Моей задачей было найти две пульсирующие веточки сосудов, и я выбирал место.

— Я готов. Сэл, пускай кровь, — скомандовал я, приближаясь к тонкой трубочке справа.

Когда робот открыл кровоток, я увидел пульсацию. На карте сканеров артерия светилась синим цветом — это означало, что кровь в сосуде движется от меня. Оценив этот вариант как благоприятный, я продвинулся ещё на несколько миллиметров по ходу пульсации, пока не встретил такой же сосуд слева. Зона для установки была подходящей — я

продвинул вперёд тонкую нить стромы, на которой были закреплены десятки тысяч стволовых клеток. Под увеличением она выглядела как огромный мохнатый канат. Едва заметное движение вызвало кровотечение. За пару секунд туман в камере стал багровым, а затем наступила темнота.

— Всё, — сказал я с тяжёлым вздохом. — Я утонул.

— Да вижу! — откликнулась напарница, разглядывая в своём шлеме картинку с камеры. — Что будем делать? Я перекрыла сегментарную артерию.

— Должно быть, задел стромой коллатераль в слепой зоне камеры. Но раз уже стою в нужной зоне, то здесь и оставим.

Я отсоединил нить стромы и начал двигаться назад. Кровотечение из перекрытого сосуда прекратилось.

— Продолжаем? — спросила Сэл.

— Да! — я переориентировал инструменты на следующий сегмент органа.

— Ник, нужно двигаться ещё быстрее. Пока кровь не успела накопиться, если заденем коллатераль.

— Или открывать артерию на меньшее время. Чтобы разобраться, где ставить, достаточно двух-трех ударов пульса.

— Ага, давай!

Мы использовали на следующих участках оба подхода и выиграли «в сухую». Сэл открывала артерии на пару секунд и корректировала мои движения до долей миллиметра. Пользуясь открытым окном, я прыгал вперёд. Апдакты поз-

воляли необходимую скорость. Однако затем настала тёмная полоса — мне удалось «утонуть» три раза подряд.

— Может, ещё попробуешь? — спросила Сэл.

— Нет, не стоит рисковать. Мы положили «жирную» стро-
му.

— Считаешь, достаточно? Только восемьдесят процентов от плана.

— Давай посмотрим, как семена прорастут, — я поручил роботу завершить операцию.

Когда шлемы были повешены на стену, а пациент отправлен в палату, моя напарница подошла ко мне. Вид у Сэл был усталый и довольный.

— Может, мне кажется, доктор Читерев, — сказала она, пожимая руку, — но из нас получилась неплохая команда. А?!

Часть 1. Доктор. Глава 6

Поначалу большинство операций сопровождались небольшими кровоизлияниями — гематомами. Только после выполнения десятка трансплантаций мы научились их избегать. Когда Сэл смогла обучить робота копировать нашу тактику, успех операции перестал зависеть от моей скорости. Теперь все этапы проходили без моего участия, но под её контролем. Добровеев, наблюдая работу Де Лар, удивлённо цокал языком: «Дорогая моя, как вы подобрали необходимую скорость? Интуитивно? Это сделал Ник? Поразительно! Что же, первые результаты обнадеживают, ждём дальнейших».

Сэл позаботилась и о моей безопасности. Она перепрошила программу записи таким образом, что желающий просмотреть любую мою операцию не мог заподозрить ничего экстраординарного. В замедленном тайминге движения инструментов не выглядели стремительными, причём пульсация сосудов сохраняла своё естество. Я нарабатывал шаблоны в комфортном для меня темпе.

Процент приживаемости оказался даже выше ожидаемого, и я с гордостью отправил отчёт Францу Иосифовичу. За утратившими печень последовали пациенты с кистами головного мозга после перенесённых инсультов и контузий. Для восстановления нервных клеток применялись специаль-

ные глиальные стромы. Эти операции проходили гораздо сложнее: регуляция мозгового кровотока, тончайшая навигация инструментов в черепе и высокая цена ошибки требовали от оператора максимальной аккуратности.

Эффективность нового подхода проявилась и здесь. Послеоперационное обследование показало, что нейрональная ткань прижилась без каких-либо осложнений, а функции оперируемых зон мозга восстановились в полном объёме. Все мои и Сары пациенты покинули клинику самостоятельно. На одной из утренних конференций профессор выступил перед коллективом и охарактеризовал результаты как долгожданный прорыв:

— Более 95% успеха в гепатобилиарной группе и столько же в неврологической! Признаюсь, вы удивили меня. Но не будем спешить. Я считаю необходимым основательное изучение с перспективой распространения в других областях восстановительной хирургии.

Мы и не спешили. Спустя три месяца о нас начали говорить: сначала в узких профессиональных кругах, затем на конференциях и медицинских форумах. К исследованиям присоединились доктора Гринелли и Грегсен. Когда мы выполнили больше сотни операций, последовали публикации. Даже консервативно настроенные хирурги планеты, скептически относившиеся к самой идее стволовой пересадки, признали, что метод действительно работает. Следом и губерна-

тор обратил внимание на успехи клиники. На встрече с Добровеевым глава колонии пообещал выделение полноценного гранта на продолжение исследований.

Кульминацией признания с его стороны стало приглашение нашей исследовательской группы на торжественный приём, посвящённый годовщине основания столицы.

Ранним вечером среды роскошный бизнес-электролёт доставил нас к имению губернатора. Профессор возглавлял группу из трёх человек: Грегсена, Гринелли и меня. Сара де Лар формально присутствовала в списке, хотя не нуждалась ни в каком приглашении. Я видел её вчера — она отправилась домой, чтобы помочь в подготовке предстоящей встречи.

На подлёте я разглядел среди густой зелени аккуратный белый особняк округлой формы, украшенный четырьмя симметричными крыльями. Из окон струился мягкий тёплый свет, который подчёркивал рельеф в наступающих сумерках. С высоты открывался великолепный вид на центральную аллею сада, ведущую к дому. По ней неспешно шествовали многочисленные гости — мужчины и женщины в вечерних костюмах и платьях.

Мы зависли в воздухе чуть поодаль площадки, ожидая, когда очередной электролёт взмлет вверх, высадив пассажиров. Когда посадочное место освободилось, наша четвёрка направилась вслед за остальными по ухоженной дорожке,

устланной мелким гравием. Светящиеся лампы на тонких кронштейнах освещали путь, отбрасывая мягкие тени на зелень деревьев и кустарников.

Я теребил запонки, давая пальцам запомнить непривычную деталь гардероба.

Накануне приёма о моём костюме позаботился сам Добровеев. Франц Иосифович, в последнее время относившийся ко мне по-отечески тепло, догадался о моей проблеме:

— Смею предположить, Ник, данное мероприятие вам в новинку.

Когда Сара де Лар закончила короткий инструктаж на тему этикета, я последовал за профессором к дальнему углу его кабинета, где в нише стены скрывался небольшой гардероб. За деревянными дверцами оказался ряд безупречно выглаженных костюмов, запах ткани смешивался с фирменным парфюмом Франца Иосифовича.

— Нынче молодёжь одевается практично, — продолжил он, глянув на меня и подошедшую следом Сэл. — И если не посещает подобные приёмы, то не имеет понятия, как следует выглядеть.

Профессор был прав. Я хоть и представлял себе особенности светского дресс-кода, но на практике мои познания ограничивались парой универсальных пиджаков и парой таких же «на всякий случай» рубашек. Иного станционная жизнь и не требовала. Сомнения, что у шефа найдётся что-либо на

мой высокий рост, исчезли, когда его длинные пальцы вытянули из глубины шкафа комплект — тёмно-синий пиджак с едва заметным шёлковым отливом и брюки с идеальными стрелками.

— Вот, примерьте, — протянул он, и я почувствовал под пальцами дорогую искусственную шерсть, холодноватую и плотную.

Рубашку и галстук мне подобрала Сэл. Пока Франц Иосифович перебирал гардероб, она стояла чуть поодаль, скрестив руки, и оценивающе щурила глаза. Когда костюм оказался в моих руках, де Лар со знанием дела включилась в процесс.

— К тёмным волосам и карим глазам подойдёт... — пробормотала она, перебирая галстучную стойку. — О! Кварцевый антрацит будет отлично смотреться. А рубашка тогда кварцевый дарк!

Я поблагодарил коллег за заботу. Даже не знаю, чьё участие тогда показалось мне дороже, но точно помню светящиеся удовлетворением глаза Сэл.

Подойдя ближе, я увидел, что дом губернатора выглядит словно визитка городской архитектуры. Резиденция представляла собой гармоничное сочетание классических элементов старого стиля и инновационных технологий. Высокие арочные конструкции из полупрозрачных кристаллов экосплава переливались оттенками бирюзового и золотисто-

го цветов, отражая свет ближайших фонарей. Фасад дома украшали изящные белые колонны, а сверху резиденцию венчал широкий купол с орнаментальной росписью, изображающей ключевые моменты освоения новой планеты.

В зале для приёма накрыли несколько десятков круглых столов, рассчитанных на пять человек. У стены с гербом столицы, на невысокой сцене, стоял длинный стол губернатора.

Мы сели за стол с табличкой «Росток жизни». Остальные столы, судя по надписям, занимали бизнесмены, промышленники, учёные и деятели культуры.

Анна и Сэл в вечерних платьях, с укладкой и при макияже были чертовски хороши. Они поднялись на сцену и заняли места за столом семьи. Между сёстрами остались два пустых места без стульев в самой середине стола.

— Высокочитимый Антонио де Лар, — торжественно прозвучал голос из динамика. — Высокочитимая Мария де Лар.

Я ожидал, что двери распахнутся и чета губернатора проследует в зал, но вместо этого за столом между Анной и Сэл возникли две фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.